

№ 4 (16)
апрель 2009 г.

Газета APIA

Открыты новые отделения «APIA» в Москве и Литве

Президент «APIA» вручает свидетельство о регистрации Полине Ухановой. Сердечно поздравляем писателя, главного редактора журнала «Антикватория» Полину Уханову с избранием директором представительства «APIA» по Москве и области.

* * *

Сердечно поздравляем поэта, писателя, публициста, кандидата в Европарламент Нину Барбору с избранием директором литовского представительства «APIA».

Поздравляем клуб «Русский романс» в Лондоне с принятием в коллективные члены «APIA»! Очень рады видеть этот замечательный коллектив в наших рядах! Сердечно поздравляем президента клуба замечательного музыканта, композитора, лауреата многих конкурсов, поэта, члена «APIA» Юрия Верёвкина.

Президент «APIA» Давид Кудыков.
Председатель правления «APIA» Михаил Сипер.

* * *

Сердечно поздравляем музыкальную англо-российскую Академию «Musica Nova» с принятием в коллективные члены «APIA» и её Президента - великолепную певицу, профессора Евгению Терентьеву-Фалевич. Очень рады видеть замечательный коллектив в наших рядах! Соратники по творчеству и горячие почитатели Вашего великого таланта

Президент «APIA» Давид Кудыков.
Председатель правления «APIA» Михаил Сипер.

Дорогие друзья! Выполняю поручение Ирины Куниной и Владимира Кунина - сердечно поблагодарить руководителей АПИА за поздравление в газете - Давида Кудыкова, Аркадия Эйслера, Михаила Сипера, Её Светлейшее Высочество княгиню Наталью Григорьевну Ерёмину Юсупову, Николая Кашина, Валентина Бензаря и всех членов правления, пожелать Всем здоровья, счастья и успехов в творчестве. С уважением, Давид Кудыков.

Авторам, спецкорам и директорам представительств в странах.

Мы приступаем к работе по изданию сборника лучших авторов членов «APIA», предположительно, в двух томах (кто ещё не оформил членство в «АПИА», это можно сделать, пока сборник формируется). Один том - сборник поэзии, второй том - проза, или два отдельных сборника. Если по сборнику поэзии нет вопросов с материалами, то по прозе дело другое. Мы не можем давать большие произведения - романы и большие повести, а только короткие рассказы и повести. Для авторов, работающих с большими формами, мы принимаем, по их выбору, отрывки или отдельные главы, чтобы читатель мог ознакомиться с автором, стилистикой произведения, языком, тематикой. Мы укажем, где можно заказать книгу или прочитать её. Желательно присылать свежие материалы, не избитые многими публикациями. Все материалы предварительно должны отбираться спецкорами или директорами представительств. Без их рекомендации материалы рассматриваться не будут. Требования к материалам готовящегося сборника очень высокие. Отклонённые материалы могут быть опубликованы в газете и альманахе. Кроме того, материалы должны сопровождаться краткой автобиографической справкой автора с приложением фото. Каждая страница должна быть пронумерована, с указанием имени и фамилии, в верхней части страницы. Строго соблюдайте следующие условия:

1. Подборка стихов не более 14 страниц формата А-4, шрифт Times New Roman, кегль 12. Междустрочный интервал одинарный, без интервалов «перед» или «после», без стилизованных изысков.

2. Проза в том же формате, объем не более 30 страниц формата А-4, шрифт Times New Roman кегль 12. Междустрочный интервал одинарный, без интервалов «перед» или «после».

Не забудьте указать имя, фамилию и адрес. Тематика произведений не ограничена. Ненормативная лексика не приветствуется.

Рукописи стихов посылать гл. редактору Николаю Кашину на адрес: nikolaykashin@gmail.com Прозу - гл. редактору Сергею Кольцову на адрес: sergkolcov@mail.ru

Дорогие друзья! Надо рассмотреть два важных вопроса:

1. АПИА бурно развивается, вступают ассоциированными членами многие организации, открываются представительства в новых странах, приходит много новых членов, отличных авторов, организуются встречи, выступления. Правда, это происходит только там, где работают вице президенты и директора. Очень мощное развитие в Англии, спасибо Елене Усиченко, в России - спасибо Сергею Хоршеву, очень много делает Её Светлейшее Высочество Княгиня Наталья Григорьевна Ерёмина Юсупова. Много делают по нашей газете Аркадий Эйслер, Валентин Бензарь, по альманаху Сергей Кольцов, Николай Кашин. Ровно держат ситуацию Виталий Шнейдер, Елена Васильева, хорошо входят в работу Полина Уханова, Леонид Финкель и Нина Барбара.

Стоит отметить, к сожалению, что все заглохло в Иерусалиме. Там как было, так и осталось два автора - Минин и Ракитская. Никаких новых подвижек в Австралии, на Украине. Можно упрекнуть в недостаточной

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ

Елена Васильева (Латвия)
Надежда Буранова (Беларусь)
Наталья Малаховская (Австрия)
Наталья Горбунова (Марокко)
Ирина Лукашова (Марокко)
Юрий Верёвкин (Россия)

ПРОЗА

Ирина Тибари (Марокко)
Денис Богдановс (Латвия)
Виктор Кукин (Россия)
Валентина Ласлоцки

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей Плышевский (Канада)
Владимир Вдовин (Англия)

активности Мишу Сипера, полностью устранилась от работы Илона Поляничева. Есть надежда, что работает С. Плышевский, появились признаки оживления работы в Австрии. Недостаточно активно работают почти все спецкоры по отбору материалов в своих странах, некоторые вообще не работают. На страницах нашей газеты очень мало материалов, которые должны, в первую очередь, давать спецкоры - о творческой жизни, о работе в своих странах, проводимых мероприятиях, встречах, выступлениях, приёме новых членов, и т.д. Поэтому в некоторых столицах, - там, где не ведут работу спецкоры, творческие люди не имеют представления о работе АПИА. Газета - это не книга или альманах, печатающий только авторов. Она должна отражать события и жизнь нашей общественной организации. В противном случае, газета нам не нужна. Можно выпускать альманахи, и только. Творческая жизнь АПИА отдельно, и газета отдельно, хотя она предназначена, в первую очередь, для оперативной информации действующих и потенциальных членов АПИА. Это упрек спецкорам, директорам и редакции, не работающей со спецкорами. Мы никого не можем заставить работать, и если у кого-то пропал интерес к нашему общему делу, то прошу оповестить меня об этом. Если кому то нужна помощь и совет - выходите прямо на меня, будем помогать. Подробный отчёт о работе АПИА я сделаю в мае 2009 года.

2. ПРЕДЛОЖЕНИЕ: Сейчас в наших рядах - лауреат Государственной премии СССР, мастер мирового класса Владимир Кунин, академики Леонид Финкель, Мирослав Кливар, Виктор Суворов, Давид Кудыков, Любовь Пустильник, профессор, Её Светлейшее Высочество княгиня Наталья Ерёмина Юсупова, профессор Владимир Буковский, профессор Валентин Бензарь, профессор Евгения Терентьева, доктора наук Симона Пустильник, кандидат наук Нина Мазур, доцент Елена Суворова, доцент Елена Рудыкина, магистры филологии Нина Барбара и Александр Адамкович. Много редакторов солидных и известных изданий. Всех, кого упустил по незнанию, прошу извинить. Этот серьёзный научный потенциал даёт нам право зарегистрировать и учредить Академию словесности и искусств «APIA». (Над названием будем работать). Поле деятельности академии - не только русская словесность, а и искусство Европы и других стран. Вопросы регистрации в Англии мною проработаны и препятствий нет, надо подработать положение, состав нашей команды, плюс найти средства на регистрацию... Такой Академии за пределами России ещё не существует, у неё хватит работы, она поднимет на следующую ступень наш престиж и значимость. Прошу только членов правления дать отклики и высказать своё мнение.

С уважением Давид Кудыков.

Incorporated in UK, the 1st September 2005, No551814

Центральное руководство «ARIA» Правление

Председатель, вице-президент *Михаил Сипер*. В правление входят Президент и все вице-президенты, директора в странах и главные редакторы всех изданий.

Исполнительное руководство:

Президент - *Давид Кудыков*.

Советники президента:

Владимир Куниин.

Любовь Шегера.

Вице-президенты

Первый вице - президент (финансы, газета «ARIA») - *Аркадий Эйзлер*.
Ответственный секретарь - *Илона Полянничева*.

По ведущим изданиям ARIA (Альманах «Альбион», сборники) - *Николай Кашин*.

По американскому континенту - *Сергей Пльшевский*.

По связям с дружественными и ассоциированными изданиями и издательствами - *Сергей Хоршев-Ольховский*.

По работе с творческими работниками - Её Светлейшее Высочество княгиня

Наталья Григорьевна Ерёмкина Юсупова.

Директора, представители по странам и спецкоры

Австрия - выборы.

Австралия - *Залман Шмейлин*.

Беларусь – выборы, и.о. *Виктор Климашевский*.

Великобритания - *Елена Усиченко*.

Германия - *Виталий Шнайдер*.

Голландия - вакансия.

Израиль (север) - *Евгений Минин*.

Израиль (юг) - *Леонид Финкель*.

Ирландия - *Алексей Иванов*.

Италия – выборы, и.о. *Лиля Виноградова*.

Канада - *Сергей Пльшевский*.

Кипр - *Валентин Бензарь*.

Кыргызстан - *Азимхан Баялиева*.

Латвия - *Елена Васильева*.

Литва - *Нина Барбора*.

Мари Эл - *Лев Ятманов*.

Марокко - выборы.

Россия - выборы, и.о. *Сергей Хоршев-Ольховский*.

Украина - *Сергей Шелковий*.

Чехия - выборы.

США - *Наталья Резник*.

Москва - *Полина Уханова*.

Почётные члены «ARIA»

Владимир Куниин.

Леонид Коваль.

Владимир Буковский.

Виктор Суворов.

Мирослав Кливар.

Наталья Григорьевна Ерёмкина Юсупова.

Редакции

Газета «ARIA».

Главный редактор *Валентин Бензарь*.

Альманах «Альбион».

Главный редактор *Сергей Кольцов*.

Технический редактор *Михаил Каковка*.

Литературные сборники и антологии «ARIA».

Главный редактор *Николай Кашин*.

Публикаций в дружественных изданиях

Главный редактор *Сергей Хоршев-Ольховский*.

© Газета ARIA. Все права защищены. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций. Ответственность за содержание рекламы несет рекламодатель. Набор, верстка, дизайн, редподготовка, печать – Издательство "Ben Publishing Ltd". Приложение к официальной кипрской еженедельной газете на русском языке «ПОПКА». Зарегистрирована отделом печати и информации Министерства Внутренних Дел Кипра 28.04.1999 года, учредительный документ №2429. Почтовые адреса: England - 51 Edgwarebury Gardens, Edgware, Middlesex, HA8 8LL, UK. Tel: 44 20 89580569, E-mail: arialondon@yahoo.co.uk Cyprus – p.o box 41091, Larnaca 6309, Cyprus. Tel: 357 24 648090, 357 99 832730, fax: 357 24 648089, E-mail: benzar@spidernet.com.cy

Елена Васильева (Латвия)

Закончила Латвийский университет в 1986 году по специальности «Русский язык и литература». Публиковать стихи начала с 1988 года в республиканских газетах «Рыбак Латвии», «СМ-сегодня», «Лабрит», «Диена», международном журнале «Балтика». В 1991 году вышла в свет первая книжка стихов «Беседка Сарасате», в 1998 году – второй сборник стихов «Монахиня в свадебном платье». Готовится к выпуску третий сборник «Недра». С 2001 года состоит в Союзе писателей России, член «ARIA»

«Россия. Лета. Лореллея.»

О. Мандельштам

Век Александровский! – «и грусть моя светла»...

«Жестокий век»? «Немытая Россия»?..

Простите, девочка-мадам, шарман-кузина, То был прекрасный век, изнеженный, красивый.

И над полями зрела синева,

И плыли золотые купола,

И ликовала царская Россия...

Несказанно чарующ дух земли –

Снега и травы, травы и снега,

Которые не вянут и не тают.

А боль души – игра!.. и Фонари,

Зажженные на Мойке и в Марли,

Невинной деве встречу обещают...

Конечно - слезы, клятвы на прощанье,

Как будто бы надолго, навсегда!..

С кем встреча, с кем, скажите, Долли,

Мэри!

С гусаром царскосельским? Может быть,

Каверин?

Совсем еще юнец... Одоевский, Чаадаев,

Шереметев?

По Петербургу хлестко бьется ветер:

На площади холодной в декабре –

Мальцы Бестужевы и Муравьевы,

Гвардейский экипаж, москвичи,

гренадеры

И штатские фифи, а вот же нет Орловых!

...На плечи девичьи упал сибирский плед

– «уж полночь минула, а Германа все нет...»

* * *

На юг обращены мои окна,

На юг я смотрю из лоджии.

И вспоминается, так, ненароком,

Судьба Лукреции Борджиа.

Слава Богу, я – не Лукреция

И, конечно же, не Мессалина,

Но дорога ведет в Венецию

С южной стороны квартиры.

Портреты в багете и в бронзе –

За чаем – семейство Борджиа...

(Это я так представляю...

В Италию еду! В Италию!)

На деле – с трудом вытаскиваю

Зимние вещи на лоджию,

На просушку, под солнце славянское.

Ни к чему мне меха и шубы,

Папа римский и пересуды...

Допекли коммунальные трубы,

Пусть стареют!.. А я не буду!

Павловское

Стояли снежные заносы

Над Петербургом, над Невой.

В Сибирь сослал нас царь курносый

(«за лик унынье наводящий»?) –

За чих, направленный в него!

По злому умыслу (доносу)

Приставлен бдительный конвой.

Боюсь, меня разбойник бросит

Не в Волгу, - в прорубь головой!

Пурга, метель, в трактире блохи

Жгут тело крепче, чем мороз...

В сугробах у Святой Евлохи

Застрял надолго наш обоз.

В избе и холодно, и душно,

И дети плачут в полусне...

А в этот год родился Пушкин,

Как предисовие к весне.

...Стояли синие заносы,

Рождались храмы на крови.

Срезали головы, как косы,

Без вдохновенья, без любви.

Екатериненское

Екатериненская даль, Екатериненская

близость -

Век Восемнадцатый...

Сегодня ближе, чем вчера...

Орловы и Потемкин – как в Париже

Гизы...

Во всем Величие, и нет стыда, одна лишь

– мишура.

Обломки мрамора, руины «Монплезира» -

Полки идут на зимние квартиры,

Под звон литавр и грохот барабанов...

Не умалить заслуг российских ветеранов!

Побед великих, честных, как Чесма,

Как Измаил, Очаков, Севастополь...

Екатерина входит – как Весна (сама)

В Российский воинский некрополь...

Нерусская по крови, ну и телом,

Душою русская и делом.

«Гото-Предестинация»

«Божье Предвиденье»? Да, Божье

Предвиденье!

Как хорошо, как красиво звучит...

Петровский линкор, устаревший,

невиданный,

Новой моделью на полке стоит.

Отставлены игры, корсары, Пер-Гюнтты,

Компютер и телек – и вся мишура,-

И сын мой по вантам взлетает, как юнга,

Он заболел парусами Петра.

Откуда приплыл ты, линкор-привидение,

Неуж-то услышал Отечества зов?!

То воскресают, то гаснут сомнения,

Где Черное море? Чей нынче Азов?

По сердцу прошла пограничная линия,

Кем прерван полет боевых парусов?!

На мелководье «Божье Предвиденье»

Перетерает прогнивший швартов.

Золотоордынское

Ни к чему мне Орда, ни к чему,

И пока я тебе не наскучу,

Не догонит нас гордый Кучум,

Наши кони сверзаются в кручу.

И лечу. И кричу я: вперед!

Так и надо – в огонь и в полымя.

В горностаевой шубе мой плод

Задохнулся без права на Имя.

Что превыше – судьба иль закон?

Нарушая святые молитвы,

К смерти мы относились легко...

Позади бесконечные битвы.

Мы столкнулись с тобой невзначай

На откосе, где зябко и росно.

Златогрты степной Карачай

Опрокинул нас в черную пропасть.

А парчу для печальной любви
Вышьют биссером звездные ночи.
Уходи...За собой не зови –
Я хочу быть святой и порочной.

* * *

Гениальность – определима,
Пишем формулу, две – в уме...
Тонкой линией – плюс и минус,
Экстремальный эксперимент.

Будет взрыв или тихий омут,
Плюс вхождение в запретный мир.
Все – как прежде, но по-другому,
Бестелеснее, чем эфир.

Мне открылась, случайно, право:
Жизнь и смерть – ипостась одна!
Жизнь – заманчивая отравка,
Смерть – безпроигрышная игра.

И в игре этой – те же страсти,
Все реально – и явь, и сны.
Нам вовек не уйти от счастья,
Мы на счастье обречены.

Надежда Буранова (Беларусь)

Она и мы

(Из X.P. Хименеса «Платеро и я»)

Чёрный поезд,
выстекленный солнцем,
пролетел
по насыпи высокой
мимо жёлтой
немолоченой пшеницы,
маками кровавыми,
как соком,
сбрызнутой.
И голубым туманом
солнце и цветы
на миг окутав,
одарил видением
нежданно –
золотой головкою
минутной,
скрытою
под чернотой вуали
и задумавшейся
в беглой скромной раме:
Кем быть можем
я, в своей печали,
и мой ослик?
Ну, конечно, – нами...

* * *

О, как застенчива сирень
В холодном и дождливом мае!
Весны капризы принимает,
Мечтая подарить нам день,

Когда волной накроет скверы,
Дворы и мокрые дома
Блаженства розовый туман.
И город изумрудно-серый,

Где ярких зонтиков цветы
Пестрят над толпами прохожих,
В своей близкости похожих,
Проснётся вдруг от красоты

И буйства её дивной пены
На листьях, вымытых дождём...
Вот так и мы цветенья ждём
В желанье счастья неизменны.

Наталья Малаховская

(Австрия)

Писательница, поэтесса, художник и исследовательница сказок. Родилась в Ленинграде в 1947 году, закончила филологический факультет ленинградского университета, публиковалась в ленинградском самиздате. В 1980 году была вынуждена покинуть СССР. С тех пор живёт в Австрии. С середины 80-х годов занимается изучением русских волшебных сказок. Главные произведения: повесть «Темница без оков», опубликованная в самиздатском журнале «37» и в «Новом журнале» в Петербурге, эссе «Апология Бабы-Яги», которое было опубликовано и получило премию в московском журнале «Преображение», роман «Возвращение к Бабе-Яге», который дважды публиковался в Петербурге, монография по диссертации «Наследие Бабы-Яги: религиозные представления, отражённые в волшебных сказках, и их следы в русской литературе 19-20 вв.» и сборник стихов «Орфей» (опубликованы в Петербурге в издательстве «Алетейя»). Вела семинары по теме своей диссертации в университете Зальцбурга, прочла доклады и лекции в США (Wellesley collage), в Санкт-Петербурге, Москве, Гаминге, Иннсбруке, Зальцбурге, в Берлине, в университете английского города Bath, в Праге, во многих городах северной Германии и Швеции. Чтения из романа «Возвращение к Бабе-Яге» в Санкт-Петербурге, Москве, Зальцбурге, в Вене и в Эрфурте. Выставки картин в Санкт-Петербурге (БАН, Музей Пушкина – выставка «Орфей. Стихи и картины»), в Вене и в Зальцбурге.

Вальпургиева ночь

«Сейчас в тишине расцветут, как ландыш, невидимый в белом, заветные свечи минут, не тронутых болью и пеплом...» 1982.

Реки речевой
изменяя течение,
согласных и гласных
меняю значенье.

Пугаюсь порой
поворотов опасных,
и всё же веду
под уздцы несогласных.

Пусть ропщут и плачут,
как робкие лани,
веду к водопаду,
веду на заклянье.

Согласных и гласных
хватая за косы,
пускаю, как стрелы,
пускаю с откоса.

И пусть, разбиваясь
сто раз головою
о мрачные камни,
несутся толпою

и, руки срывая,
как белое платье,
безудержной бездне
несутся в объятья.

В пылу водопада,
в бениии страстном
об острые камни.
Напрасно! Напрасно!

В безудержном гневe,
в мерцании страшном
и справа и слева,
в дыхании влажном

дрожащих, как свечи,
заветных мгновений,
в секундном расцвете,
в скользком паденьи

тех самых, как ландыш
невидимый в белом,
как вспыхнувший свет
над свечой обгорелой,

В обвале крошечном
и слева, и справа,
в разгуле безбрежном:
облава! Облава!

В безумии гнева,
в пылу без пощады,
где хлеба и неба
не надо! Не надо!

Пусть кто-нибудь скажет
что нету такого
из боли и сажи
рождённого слова,

из боли и пепла
в огне водопада,
из снежного пекла
крошечного ада,

из сломанных гласных,
разбитых согласных,
с такою судьбой
ни за что не согласных,

с той самой, которой
всё мало, всё мало,
что хлещет по горлу
и хлещет об скалы

лицом, ухватив
непокорных за косы,
и снова – к обрыву,
и снова - с откоса.

30 апреля – 3 мая 2007

Наталья Горбунова

(г.Мохаммедия, Марокко)

Я больше не люблю тебя,
И даже не страдаю,
Но я молю, приди ко мне,
Приди, я заклинаю!
Я вновь хочу тебя увидеть,
Хочу услышать голос твой,
Обнять тебя, как было прежде,
Мечтать под музыку с тобой!
Да, я хочу тебя обнять,
Хочу сильней к тебе прижаться,
Любви остатки передать
И может быть себя отдать...
Отдать!!!
Но больше не встречаться...

* * *

Ты говорил мне: Я хочу тебя...
О да, я знаю, ты хотел меня!
Не надо было только притворяться,
Писать, звонить, в любви мне
объясняться.
Ведь было все так просто, черт возьми!
Ты захотел...
И не было любви.

* * *

Все бред, а наша жизнь-бравата.
Кругом тоска и суета.
Куда идем? И что нам надо?
Зачем вся эта маета?
Зачем бежим, спешим куда-то,
Друзей теряем и любимых.
Проходят дни, мелькают даты,
И жизнь проходит мимо.
Мимо!

Ирина Тибари

(г.Ессауира, Марокко)

Сметая грязь

Сметая грязь непрошенных гостей,
Сметая мысли грязные о ней,
Сметая ворох неприятных ощущений.

Я делаю уборку в доме своем. Он так и застыл в ожидании чистоты. Не только он ищет свежести в углах, не только я хочу прийти в себя. В свой дом. Что так долго витает в воздухе моем?

«Забытая» обида, мусор налетевшей пыли, следы растоптанной печали, и зависти кривые червяки? А может это лишь всего ароматы пригоревшего тажина?

Как странно, дом мой. Где же он? Не мамина уютная квартира и не моя короткая кровать.. Я выросла и полетела к счастью. Забыв так бережно протереть все мои воспоминания о юности, о детстве и о маме. И свежести все нет. А можно ли ворошить, нужно ли перекладывать, раскладывать по полочкам. Моя вторая крепость не терпит пыли на себе. Жить и не знать свое место в мире ложится камнем на сердце. Или крышу дома моего +ла-ла-ла -ла и Юрий Антонов мне вторит.

Вот так сорваться и улететь в неведомую даль, как птица с клювом красным долбиться в неведомую твердь, чтобы сделать себе новое дупло на дереве. И я оказалась перелетной, и мне все дома не сидится. Забыть свое насиженное гнездо, прутьики, так бережно сплетенные мамой, высоту, тепло под родным крылом. Конечно, слезы радости, печали умоют ласково меня. Ведь знала мама, знала я. Что расставаний нам не избежать, что птицею я стала.

И улететь+
И новая страна, дома, просторы и дятлы со своими клювами. А что осталось там, в краю заснеженной рябины, где я любила снег, заиненные стекла и хруст под каблуками. Мама.

Почему так сложно выбирать самой свой путь, почему все хотят, чтобы полетели в их направлении. Почему я должна лететь только с птицами своего полета, своей страны?
Я не так свободна, как хотела когда то стать. Но и в своем гнезде мне не гнездились.

Я почувствовала тягу к апельсинам, к мятному чаю, к оливковым рошам, к яркому постоянному солнцу. Любовь витает в воздухе моем. Он так прозрачен и неощутим, что даже захотев его потрогать+ Я не смогу. Не захочу пустить в свой мир чужих залетных птиц, им не быть со мной в мечте+. Они не хотят лететь за моей спиной, я должна следовать их курсу. Но ветер уносит меня ..отбивая от стаи. Как просто нас обидеть, как просто уколоть. Ты будешь там ненужной, тебя закутают в вуаль, ты станешь в хоре на вторых ролях, тебя оковами скуют, тебя используют, тебя забудут. И взгляд презрения, и взгляд недоумения. Дятлы.

Любовь меня согрела,
Любовь - меня ты сорвала с куста распушенной мимозы.
И я цвету и пахну ароматом специй, душевным чаем, свежееиспеченным хлебом. Сейчас.

Я стала непонятым цветком, я стала гибридом. И ростки мои - не стали чистокровными птенцами. Но они растут под крышей нового дома моего, хранящего на полках теплоту, любовь

ко всему русскому; стопку очищенных от пыли воспоминаний, родных сердцу; книгу жизни молодой; завет родителей. Мое марокканское гнездо свито с любовью. Шторы держат защиту от посторонних глаз, скрывают мой русский остров. Марокканский салон встречает своих гостей. А заснеженные нарисованным инеем окна манят птиц из родных краев. Продолжая работать метлой, санитаром души моей, понимаю, что комнаты насыщаются кислородом. Сметаю ненужное, освобождаю углы от залежей.

Дышу свободнее.
Изменилось многое в немногом, что могло измениться. Изменилось немногое во многом, что могло измениться.

Перехожу из коридора в салон, где принимают гостей. Здесь знают толк в гостеприимстве, марокканские сладости тают во рту, ароматный мятный чай окутывает и уводит вдаль с мыслями о бесконечности ... Улыбка семьи стирает все преграды. Меня приняла как дочь, такой, какая я есть. Странно, но больше воспоминаний у меня не сохранилось. Я живу ощущениями, для меня не так важна внешняя оболочка. Я ищу моральной поддержки, я ищу своих птиц. Края родные роднее, но и новое может стать близким. Я вздрагиваю от любого слова сказанного о России в Марокко, я вздрагиваю от любого слова сказанного о Марокко в России. Для меня это прошлое, настоящее и будущее. Они уже слились в единое пространство моего мира, моего воздуха.

Дышать стало еще легче.

Забудь всю грязь непрошенных гостей,
Забудь весь ворох неприятных ощущений.

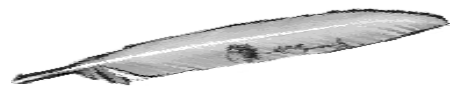
Все в мусор.

Осталось открыть окно, впустить непредсказуемый свежий ветер. Напор его так силен, что на секунду чувствую себя беспомощной, слабой. Покачиваясь от нового ощущения, я нахожу опору. Мой муж. Вот он, ради его сильного мужского плеча, его воздуха, его любви - я улетела в неведомый край. Родная. Я стала ему родная. Не безродная, не гибрид. Родная по духу, родная по сердцу, родная до пальцев.

Распустился цветок невиданной миру красоты.
Нас не так много, как могло быть, нас не так мало, как кому то хотелось. Пора сделать новую запись в книге редких растений, признать за нами право существовать в своем большом мире. Мы живем, глотая пыль, впитывая в себя обиду, вооружаемся шипами от пролетающих мимо ос, меняем окраску, приспосабливаемся к новым условиям. Мы такие разные и такие одинаковые. Нам всем хочется тепла, солнца, силы для устойчивости от бурь, и гроз и просто быть любимыми.

Откуда эта невидимая пыль+. Видимо ее оставляют крылья залетных птиц. Морской песок. Не надо искать причины зависти, налета недружелюбия, отчужденности, непонимания. Природа дала эту пыль, чтобы мы не забывали чистить свои жилища.

Я вооружилась метлой. И в доме моем царит свежесть.

Ирина Лукашева

(г.Касабланка, Марокко).

Лауреат Международного конкурса поэзии среди соотечественников за рубежом в 2008 г., ее два стихотворения были опубликованы в поэтическом сборнике. На сайте стихи.ру у нее есть персональная страничка с очень хорошими комментариями читателей.

Поездка в автобусе

Поездка в автобусе тряском,
Как он еще жив - неизвестно,
А в воздухе душном и вязком
Гремит марокканская песня...

За стеклами, теми, что целы,
Вся жизнь - от рожденья до...после,
Там город пожизненно белый
Торопится, мусорит, просит,

А я, чьи московские корни
В песке прорастали горячем,
Подол подбирая, проворно
Сквозь гвалт пробирюсь стоячий.

И, логике противореча,
Любуюсь изнанкою сказки,
Расправив покрытые плечи,
В автобусе душном и тряском....

Обещанья

Твои обещанья
Пыльцою цветочной
Слетают мне в руки,
Им нету цены.
Они,
Как венки искушений восточных,
Хитры, невесомы...
Но очень нужны.
Их сдую -
И сотни непрожитых судеб,
Невиданных мест, непригубленных вин
И платяев коктейльных (которых не будет)
Вобьют между мной и реальностью
Клин...
Ох, как размечаюсь...
Спасибо, любимый,
За то, что держал
И не дал убежать...
Пыльцою цветочною,
Легкой, незримой,
Летят
Обещанья
Пустые
Опять....

Фламинго

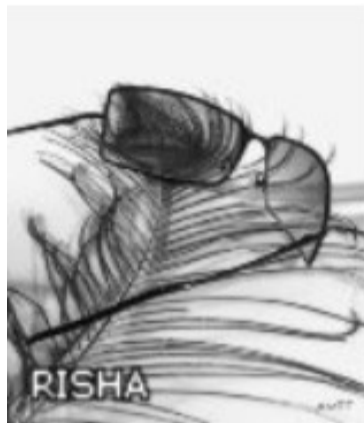
В каждом из нас поют и сеются птицы.
Вот и сейчас на озерах моей души
Стая фламинго розовая гнездится
И улетать в свой рай пока не спешит.
В перьях пушистых выплываюсь - и полегче,
Перекачусь по изгибам трепетных шей.
В птицах - рассвет. Значит, это еще не вечер,
Просто привал среди шороха камышей....

О времени

Знаю, время пройдет,
Но не сгинет,
А ляжет на спину
Рюкзак неумело уложенным
(Все бы скорей!)...
Знаю, прямо пойдет,
Избегая коварных трамплинов
И раздавленных бабочек,
Снов,
Поворотов,
Дверей...
И не будет оно
Ни отчитывать строго, ни ранить,
Просто схватит все то,
Что бросалось легко на пути...
И останется мне
Мелочевка в дырявом кармане
И несчастная рифма,
Другой не придумать -
"Прости!"....

Все возвращается

Все возвращается...
И майская листва
Играет с сердцем, будто с погребушкой,
Как вкусно пахнут теплые слова,
Которые ты шепчешь мне на ушко...
Мой город суматошный опустел,
Москва проводит этот день на грядках.
Ты тщательнее стелишь мне постель.
Я счастье заедаю шоколадкой...
Небрежным жестом брошены дела,
И вот уже звонит разносчик пищи...
...Я, в сладкий сон укутавшись, спала...
...Мне снилось то, что может только
сниться...

Денис Богдановс (Латвия)

Родился в Латвии 30.06.74. Город Рига. Национальность-латыш. Знание языков: русский, английский, немецкий, польский. Хобби: теология, религия, путешествия и экстремальные виды спорта. Познания самого себя как самоцель жизни. В Латвии учился и работал. Сначала средняя школа, затем Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Занимался бизнесом. В конце 2000 года уехал в Германию, где проживал несколько лет. Учил языки. Много путешествовал по миру. Побывал практически во всех странах Европы, а так-же несколько месяцев в Марокко. В 2004 году вернулся в Ригу и используя свои связи в среде Германских адвокатов, получил интересную для меня должность координатора фонда CORECS, (Латвийский комитет по защите прав человека) дир. Марута Гойло. В феврале 2005 года на несколько месяцев переехал жить в Тайланд, изучал буддизм, сопоставляя его с другими мировыми религиями и много писал. Именно там принялся активно собирать информацию медицинского характера касающихся состояния комы и клинической смерти. В августе 2005 приехал в Англию на постоянное место жительства.

ДВЕРИ

«Случайность - это возможность взглянуть на следствие без детального знания о причинах»

- Все мы приходим из ниоткуда, и уходим туда же... - кашлянув в посиневший кулак, сухощавый мужчина смачно сплюнул на пыльный пол чердака. Чтобы хоть как-то противостоять морозному, январскому вечеру, он начал пружинисто переминаться с ноги на ногу.

- Ты, конечно, повидал побольше моего, Балаган, не спорю, но философия твоя далека от жизни! - коренастый крепыш в короткой кожаной куртке цвета ночи, наконец, оторвался от окна и уверенно посмотрел на сухощавого. Он отличался не только природной мощью, но и молодой дерзостью. Глубоко посаженные глаза и квадратное, скуластое лицо. На голове была натянута черная, вязаная шапка. Взгляд прямой, открытый и немигающий. Сухощавый ухмыльнулся, показав крупные зубы. Он покачал головой и изобразил наигранное расстройство:

- Умные вы все стали, хоть за советом ходи, но только взглянув смерти в глаза, поменяется мнение твое. Видал я, Гребец, таких же, как ты! Ничего нового, не удивил! Он поднес замерзшие ладони ко рту, пытаясь обогреть их выдохом из легких, и сказал:

- В башке только бабы, да тусовки, золотые. Вот чего тебе еще не хватает? - Чи... чи... чи... - отвернувшись к обзорному окну, крепыш жестом руки прервал диалог. И присмотрелся к автостоянке у девятиэтажного дома напротив. Вот лениво поднялся шлагбаум, и ночной сторож пропустил темно-зеленый автомобиль. Даже с такой высоты угадывались контуры новенького «Cadillac Escalade».

- Классная тачана, не? Балаган, живут же люди! - коренастый даже заерзал на утепленной водопроводной трубе, заменяющей ему все это время стул. Шагнул вперед, сухощавый вгляделся в темноту, слегка прищурив глаза. Нет, ошибки быть не могло. Он машинально нащупал холодную рукоятку пистолета системы «ТТ», что так долго оттягивала джинсы. И тихо, перейдя на шепот, прошипел, наклонившись к крепышу вплотную:

- Ну, вот тебе и ответ. Уверен, на все сто. Ты уже представляешь себе, как с бабами рассекать у себя по «Плацу».

Не отрывая взгляда от медленно парковавшегося джипа, коренастый не удосужился ответить. Вместо этого хмыкнул. И помогая себе обеими руками, натянул на лицо вязаную шапочку. Показались заранее вырезанные дыры для глаз и рта. Теперь, в полумраке чердака он напоминал средневекового палача, не знающего эмоций и не видевшего белого света.

С минуту они молча наблюдали. Из машины выбрался мужчина. Он не спешил. Огляделся. И закрыв брелком двери автомобиля, о чем-то кратко переговорил со сторожем. В правой руке у него болтался небольшой, коричневый дипломат, в каких обычно носят документы. Еще мгновение и мужчина последовал в сторону дома.

Только редкие, монотонные шумы со стороны улицы. Стук собственного сердца. Словно молот по наковальне. Надвигалось цунами ярости и страсти. Чувство, где нет места разуму. Только заранее разработанный сценарий. Жесткий и кровавый алгоритм.

Ему никогда не нравился этот скрип. Паркет издавал звуки, схожие с криками мартовского кота, попавшего на чужую территорию. Каждый шаг - как новый сигнал об опасности. Словно само здание предупреждало, что ничего хорошего гостя здесь не ожидает. Напряжение нарастало предательски быстро.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, майор Прокопенко прошел по коридору, сознательно стараясь сбросить мысли о предстоящем визите. Тряхнул головой, чтобы переключиться. И уже у самой двери, обитой светло-коричневым дерматином, он

остановился и перевел дыхание. Затем кашлянув три раза, достаточно уверенно постучал в дверь.

- Войдите! - Проккопенко распахнул дверь и прошел в кабинет генерала. Отрапортовал по форме, вытянулся по стойке смирно. За широким, сделанным из натурального дуба, столом, восседал крупный, усатый мужчина. Проникновенный взгляд из-под роговых очков делал его похожим на хищную рыбу. На стене позади - портрет Путина. Круглая клетка с полуживой от курева канарейкой на сейфе сталинских времен. Достаточно странный контраст.

- Логотипы - прототипы! - генерал-лейтенант Евгений Ермолаевич натянуто улыбнулся вошедшему. Немного высокомерно, под стать званию. Находясь в скверном настроении, он постоянно рифмовал первые, приходящие в голову слова.

-Присаживайтесь, майор!
Не заставив себя долго ждать, Проккопенко, стараясь держаться уверенно, занял предложенное ему место. При этом он про себя прокрутил в голове последнюю бессмысленную рифму начальника. Чисто автоматически. Неосознанно.

В свою очередь Евгений Ермолаевич по хозяйски раскинулся на своем огромном кожаном кресле. Тяжело вздохнул и указал пальцем в сторону крупных папок на столе. Несколько отдельных страниц было небрежно разбросано перед ним. Всем своим видом он пытался показать сегодняшнюю занятость.

- Я ознакомился с делом Гольденберга. «Бухгалтерия» подтвердила ваши опасения. - под словом «бухгалтерия» генерал подразумевал отдел по финансовым махинациям Западного крыла.

Внимательно выслушав, Проккопенко утвердительно покачал наголо обритой головой и скрестил перед собой ладони. Внутренний голос не ошибался. Из его памяти медленно всплывали слова супруги Миши: «...говоришь тебе, глупый, что ты как маленький! Честное слово! Во-первых, Светка с Кириллом уже давно свои деньжата приумножили. Это не какая-то реклама из телика или газеты. Они же нашими свидетелями на свадьбе были! Так вот уже три месяца получают проценты с фирмы, как и писалось в контракте. Все честно, вовремя и вежливо... Ну и во-вторых, тебе ли бояться? Без пяти минут подполковник милиции!»

И все-таки насколько вовремя и аккуратно Проккопенко подсобрал информацию, подстраховался! Чутье не обмануло.

- Значит пирамида таки? - спросил он у генерала.

- Точно так, майор! Причем с единственным полноправным «фараоном». Вот сводки наших «математиков». Не хочу вдаваться в детали, времени не хватит! - он медленно пробежал взглядом по настенным часам: - Посмотришь у себя там! - генерал почесал массивным пальцем за ухом:

- Короче, «схема» существует уже восемь с половиной месяцев. Основа - реклама. Часть внесенных денег уходила туда. Часть - на выплату процентных ставок первых вкладчиков, тем самым создавая иллюзию сверхприбыльной деятельности. Два шикарных офиса на Тверской и Проспекте мира. А вот фамилии шести так называемых «лекторов», вешавших лапшу на уши простаков. Признаюсь - талантливые ребята! - криво ухмыльнувшись, сказал генерал и подвинул собеседнику сначала несколько листов, затем серую, пухлую папку.

- Обрати внимание, что четверо из них - ранее судимы за мошенничество. Уголовнички, мать их так! А лапша заключалась в следующем. Мол, перенаселение нашей планеты без серьезных, глобальных войн требует успешных вкладов на покупку крупных, плодородных участков земли как на территории России, так и за рубежом. Вот график динамики роста цен за последние пять лет. Прогрессия просто геометрическая! Графики рождения и смертности. А это - фишка про негласное заселение китайцами Урала! Ну, прямо красавцы!

Пробежав глазами напечатанное, майор Проккопенко молча раскрыл папку. С первой же страницы на него смотрело лицо

молодого человека. Фотография черно-белая, и судя по всему, свадебная. Зернистая, максимально приближенная и обработанная экспертами. «Михаил Борисович Гольденберг. Дата рождения: 28.02.1964. Место рождения г. Нижний Новгород. Улица Строителей, 6-13».

Он перевернул страницу, но к своему удивлению ничего больше не обнаружил. Дальше начиналась биография другого криминального дарования. Причем гораздо вместительней по содержанию.

- Простите, а что, на «фараона» больше ничего не накопили? – майор вопросительно поднял брови и посмотрел на генерала, - Тут, мне кажется, и на некролог маловато.

Душевно хохотнув, Евгений Ермолаевич со всей дури хлопнул широкой ладонью по столу. В ушах зазвенело. Наверное, принял чуток.

- Вот здесь, майор, разъясню твою задачу. Ну и просьбу, не так ли? Короче...

Материалов хватает. Вот ордер на арест и обыск. Папки заберешь с собой. Это адрес проживания и возможного появления у подружки. Действуй! Завтра «фараон» должен сидеть в твоём кабинете и давать исчерпывающие, литературные показания. Причем в наибольшем объеме. Задание понятно?

- Так точно, Евгений Ермолаевич!

Стараясь издавать как можно меньше шума, они уверенно пробрались на седьмой этаж. Впереди, опираясь на перила, пружинисто скакал «Гребец». Даже не смотря на свой немалый вес, делал это легко и уверенно. Позади, отставая на несколько шагов, двигался сухощавый «Балаган». Спустились молча и быстро. Между собой не говорили. Каждый знал свою роль. «Схема» была отработана заранее. До мелочей. Добравшись, наконец, до седьмого, крепьш сбавил темп, медленно прошел мимо раздвижных стенок лифта, остановился. Внимательно огляделся. И не заметив ничего подозрительного, исчез за углом. Там, где лестница уходила вниз. Только тишина и полумрак. Еле слышный гул вдалеке. На один проем выше «Балаган» уже натянул на щетинистое лицо маску и медленно передернул затвор. Как можно тише. Только приглушенный кожаной перчаткой металлический кашель. Вороненый ствол «ТТ» отбрасывал на песочную стену предательскую тень. Словно монстр с длинным, поднятым пальцем. Скривив под маской лицо, сухощавый опустил пистолет к бедру и прислушался. Мощные удары пульса в висках и одышка. Проклятое курево! На секунду он подумал о своем поделнике. Накатилась черная зависть и презрение к себе за бесцельно прожитые годы. Злость на «спортсмена» уколола, как давно забытая детская ревность. Волна негатива на одно мгновение поглотила его целиком. Но только на мгновение. Отбросив все мысли, «Балаган» сосредоточился на своем дыхании. Нужно было восстановиться. Причем в кратчайшие сроки. Время шло, бесповоротно приближая момент развязки. Сухощавый не чувствовал больше холода и облизал пересохшие губы.

На его фоне «Гребец» выглядел совершенно спокойно. Как кот в ожидании мыши. Точно рыбак-профессионал. Лишь маска и пистолет системы «Макарова» в правой руке отличали его от рыбака. Дыхание ровное, округлые мышцы расслаблены. Приятная истома. В наступившей напряженной тишине щелчок тумблера лифтовой лебедки показался громом с ясного неба.

Рефлекторно дернув плечом, «Балаган» чертыхнулся и выдохнул воздух. Нервы. Он никогда не любил ждать. Даже прожитые в скитаниях по «зонам» годы не сумели привить терпения. Все или ничего. Да или нет. Белое или черное. Конкретика реализма не поощряла иную философию. Так и закалялась сталь его лихой молодости. Между тем cabina лифта начала свое плавное движение вверх. Монотонный звук ленивого электромотора. Отсчитывание этажей. Нарастающий гул, длающийся вечность. И тут все оборвалось. Словно провалилось в пустоту. Секунда и двери лифта вновь разорвали тишину, на сей раз

металлическим звуком подшипников. Уже совсем рядом. Теперь они почувствовали жертву. Ее вкус. Сначала едва различимое дыхание. Запах одеколона. И только потом уверенные шаги. «Гребец» начал свое восхождение наверх, спиной к стене. Словно крадущаяся тень. Вот уже и угол, за которым открывался вид на лестничную клетку. Квартира номер 32. Худая спина незнакомца в длинном, кашемировом пальто. Пора. Разделяющее их расстояние крепьш преодолел практически мгновенно. Пролетел. Затем плавный захват левой рукой шеи незнакомца. Сначала как плеткой, затем как тисками. Звон выпавших из рук ключей отдался хрустальным звоном. Тело сначала напряглось, затем как-то сразу обмякло. Только тяжелое гортанное дыхание. Своими тонкими пальцами, человек пытался разжать захват. Тщетно. На его фоне «Гребец» выглядел точно скала, со своим бесспорным приоритетом на существование.

- Тише, сука, и жить будешь! – из темноты вынырнул силуэт худого, костистого мужчины в черной маске. В вытянутой руке зажат вороненый пистолет.

- Держи его крепче, я подниму... - сказал сухощавый, нырнув под ноги незнакомца, он попытался подцепить ключевое кольцо. Кожаные перчатки ограничивали цепкость пальцев, придавая некоторую сложность такому простому маневру.

- Ну вот... – наконец, прошептал он. И тут речь «Балагана» прервалась глумливым шлепком. Звук напомнил коктейль из смачного поцелуя и удара ладонью по стене. Пытаясь разглядеть, что же произошло, коренастый крепче сжал горло своей жертве, потянув того на себя. До него не сразу дошло, почему товарищ по оружию стал медленно заваливаться на спину. И только вид кровавых пузырей на маске внизу, медленно восстановил картину. «Балагану» крепко досталось. Воспользовавшись удобным моментом, незнакомец приложился носком ботинка. Без размаху. Зато резко и проникновенно.

- Ах ты животное! - не отпуская горла, «Гребец» рукояткой пистолета нанес удар в голову мужчины. Целясь в височную часть. Затем второй. Третий. Но вместо того, чтобы отключиться, жертва нападения изо всех сил оттолкнулась ногами от пола. Силы толчка хватило впечатать спину крепьша к стене под электросчетчиком. На мгновение сбить его дыхание. Сценарий менялся на глазах. И неизвестно как бы развилось событие дальше, не пришел бы в себя сухощавый. Привстав на одно колено и тряхнув головой, он не задумываясь ни секунды, выстрелил. Практически не целясь. Видя, как крепьш и жертва оседают по стене вниз, «Балаган» медленно поднялся на ноги. Сделав несколько нетвердых шагов вперед, остановился. На губах чувствовался соленый привкус крови. Голова кружилась. И тут послышался скрип двери. Нет, это была не квартира незнакомца. Боковым зрением сухощавый уловил движение справа от себя. Резко подняв руку в направлении звука, он три раза выстрелил, не глядя. Безжалостно разрывая плоть и кости, пули армейского пистолета ушли глубоко в стену, не встретив серьезного препятствия. «Балаган» медленно повернул голову и перевел взгляд на нового, не запланированного персонажа. Ярко зеленый банный халат с неуместно красными розами. Женщина. Достаточно крупная, голова в бигудях. Ее колени предательски подогнулись и новая жертва упала лицом вперед, издав при этом неприятный звук.

- Чертова старуха! – «Балаган» с отвращением сплонул на пол и повернулся, услышав кряхтение крепьша, пытавшегося скинуть с себя труп в кашемире. Вокруг уже растекалась темная лужа крови, густой, с пенными краями. Сухощавый «стрелок» произнес совершенно спокойно для сложившейся ситуации фразу: - Вставай, спортсмен! Бери ключи и дипломат! Время делать ноги. Да побыстрей! Пока кто-нибудь еще не проявит любопытства. И обойдя труп, он со всей силы двинул ногой по уже серому лицу бывшего хозяина «Cadillac».

- И как ты можешь работать в такой

темноте! – свободной рукой генерал еще раз поменял угол наклона настольной лампы. Видимо надеясь, что это поможет скрыть накатившее раздражение. Но сидевший рядом майор Прокопенко прекрасно понимал истинную причину. Он не показал своего душевного состояния и выглядел совершенно невозмутимо. Ну, не нравится генералу освещение, не самое страшное. Куда же приплывешь, гребя против течения. Лучше подождать пока страсти поутихнут. И майор выжидал, молча подтасовывая материалы с фотографиями.

- Мать Божья! И это нормальные люди? – последний снимок Евгений Ермолаевич презрительно бросил на стол. Затем покрутив пальцами седые усы, снял очки и тяжело вздохнул:

- Кто они? Не спеша вытаскивая из папки очередной лист формата А4, Прокопенко прочитал, четко выделяя каждое слово:

- Федор Кириллович Коваленко. 1981 года рождения. Уроженец г. Зеленограда. Мастер спорта по вольной борьбе. Прозвище «Гребец». Входил в «тамбовскую» преступную группировку. После ареста лидера перешел «в свободное плавание». Прописан и проживал по адресу г. Москва, улица Гагарина 12-34. Балаганов Сергей Сергеевич. 1966 года рождения. Наш московский. Временно нигде не прописан. Фигура достаточно яркая. Трижды судим: «малолетка» и два раза по 105.2. По оперативным данным приехал погостить к сестре, где и познакомился с Коваленко. Который в свою очередь вот уже несколько лет промышлял краденым автотранспортом. Ну, и как говорится, пошло – поехало...

- Постой, постой! Так они, значит, у тебя, а «фараон» в морге, так? – своим мощным басом перебил его генерал. Странный вопрос. Почувствовав какой-то подвох, майор Прокопенко замялся с ответом, скрестив руки на груди. Словно пытаясь закрыться. Жизненный опыт подсказывал ему, что нужно быть готовым к любым капканам. Хотя в подобной ситуации не было разумным и отмалчиваться. Прокопенко постарался спокойно улыбнуться и ответить как бы от третьего лица:

- Объявленная операция «Перехват» дала результат уже через сорок пять минут. Задержание прошло практически молниеносно. Сою роль сыграла авария при преследовании.

- И где же эти ковбои теперь? – генерал по привычке вальяжно развалился в кресле и принялся раскачиваться взад и вперед. - У меня внизу. Первичные показания сняты. Пока отпираются, но задержаны были с поличным. Вот, кстати, протокол опознания сторожа с автостоянки. Там, где они этот гребаный «Cadillac» забирали. – самодовольно хмыкнул майор, не сумев так сдержать свои чувства. Он тут же извинился за вольность, поднеся ладонь к губам.

- Так они что, еще не... не знают? – произнес Евгений Ермолаевич, не обратив внимание на майорскую выходку. Он вопросительно поднял густую, брезжневскую бровь.

- Никак нет! – в ту же секунду ответил Прокопенко, стараясь выглядеть как можно более профессионально. В кабинете воцарилась мертвецкая тишина. Казалось, что звук падающего ночного снега за закрытым окном хочет о чем-то поспорить. - А ты веришь в судьбу, майор?

- Ну... если вы имеете в виду те сумки, то, по правде сказать, я сначала призадумался. – ответил он и, подвинувшись практически вплотную к генералу, достал очередную страничку:

- Это точные цифры. Семь миллионов триста двадцать тысяч долларов США. Все было запаковано и лежало вот в этих двух матерчатых сумках. Причем в метре от входной двери. Уверен, что господин Гольденберг почувствовал, что мы его ведем. Возвращался за деньгами. При нем оказался и билет на самолет. Вот! «Москва-Стамбул». Да только дверь открыть он не успел... «Хулиганы» помешали.

Мягко закрыв за собою дверь и повесив дубленку на гардеробный крючок, не

разуваясь, он прошел на ярко освещенную кухню. Запах жареного мяса приятно щекотал ноздри. Прямо у газовой плиты сутилась дородная женщина. Ее ярко крашенные каштановые волосы были аккуратно перевязаны платком.

Подкравшись сзади, Прокопенко крепко обнял супругу.

- Ох! – крикнула напуганная женщина, резво подпрыгнув. Она попыталась вырваться из объятий любимого.

- Сашка! Чтоб тебя! – она, наконец-то, вырвалась и, изловчилась, и со всего размаху двинула майора в грудь: - Совсем рехнулся! До смерти меня напугать хочешь, сумасшедший?

И освободившись от улыбающегося супруга, она сделала наступающий шаг вперед. Затем угрожающе размахнулась, но в последний момент передумала, положив свою пухлую руку на левую сторону необъятной груди:

- Зараза такая...

- Да, ладно тебе Машенька! – сказал Прокопенко, нежно обняв жену. Он поцеловал ее сначала в одну, затем в другую щеку. Пахло жареной картошкой и чем-то сладким.

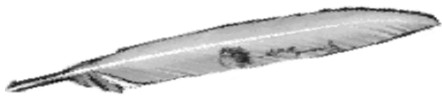
- Прости ты меня, трудоголика менговского! – произнес он и впервые, за долгое время позволил себе насладиться радостью момента. Его теплотой. И сейчас, держа в своих объятиях самого близкого себе человека, Александр Прокопенко ощутил прилив счастья. И ответственности за его нерушимость.

- Знаешь Маша... - прошептал он в самое ухо женщины: - Не нужно нам наших копеек удваивать. Ну... я о компании «Стоун-интернейшенэл», помнишь?

- А, что случилось? – она с явным интересом заглянула в его карие глаза.

Майор ухмыльнулся и подмигнул озадаченной супруге:

- Случайность!

Юрий Верёвкин (Россия)

Музыкант, композитор, поэт, президент клуба «Русский романс», продюсер-консультант музыкальной англо-русской академии «Музыка Нова», лауреат конкурсов международных фестивалей. Член «АРИА»

О Музыка

(Подражание Гейне)

Посвящается профессору Красноярской Консерватории Е. К. Иофель

Тебя Божественным пером
Во все века поэты прославляли.
Ты гость за праздничном столом,
Ты спутник в горе и печали.

О счастье, чудный дар познав,
Стою коленапреклоненный.
Люблю я блеск твоих Октав
И светлым днем и ночью темной.

Спасибо Музыка тебе
За те цветы, что ты дарила.
За то, что Ты в моей судьбе,
За то, что Жизнь ты мне открыла.

Посвящается Е. В. Терентьевой

К Твоим ногам Цветы приношу я бережно,
Своим туманом окутывая твою прозрачность.
Хочу пожелать Тебе, любимая, вечности.
Чтобы поняла ты любви бессмертие.

ПОХОД К ЛИТЕРАТОРАМ

Посвящается Б. Бурляеву

О Боже, чудный час настал.
И я душою литератор
Спешу в Бомонд, где правят бал
Поэт, писатель и оратор.

Поэт читал свои стихи.
Прозаик сочно жарил прозу.
И оратория любви
Порою вызывала слезы.

Пришел я скромно, как всегда,
Как в «первый брачный ночь» невеста.
Я в музыке маэстро, да,
А в жизни знаю свое место.

Сидел я радостен и тих
Той атмосферой упоенный.
Принес Есенина я стих
Слегка Музыкакой обрамленный.

И пригубив вина сосуд,
Слегка подавшись настроению,
Решился вынести на суд
Я Музы робкое творенье.

Как вдруг вперив орлиный взор,
Едва не опрокинув склянку,
Вскочил Борис:
«Все это вздор, весьма похожий на шарманку.

Нет слов все это описать.
И вы, друзья, меня поймите.
Сейчас я буду сам читать,
А Вы речам моим внимайте».

Читал он мощно, как всегда.
По коже бегали мурашки.
А за окном была беда-
Там выли псы и лаяли дворняжки.

Я не из тех, кто ходит Так
Покушать, вынохать, подслушать,
Кто за поганый четвертак
Продаст трепещущую душу.

И может в жизни я не прав.
Увы, я не прошу совета.
Бюрократический удав
Нас скоро всех сживет со света.

И все не так, да вот конфуз,
Когда в какие-то моменты
С своей души снимаешь груз,
Тут не нужны аплодисменты.

Я слушал, так и не поняв
Зачем весь этот фарс дешевый.
О друг Борис, ведь ты неправ
Сорвав цветов букет грошовый.

Борис, Борис, не будь так строг.
Антагонизм – не признак чести.
Тут все понятно между строк.
Сей силлогизм – не призрак мести.

Здравствуй Сочи – Привет из Лондона

(песня)
Автор Юрий Веревкин (Сочинский)

Я родился в Сочи на Цветном бульваре,
И купала меня ночью мама в самоваре.
А теперь я стал большой, и хожу я в баню
С толстым венником парным, квасом,
пирогом.

Припев:
Здравствуй Сочи, ласковое море.
Корабли в дали плывут, чайки на просторе.
Здравствуй Сочи, Сочи, друг мой милый.
Солнце, воздух и уют -
Город мой любимый.

Сочи для туристов - Рай,
Там готовят вкусно.
Все что хочешь выбирай, если есть
«капуста».

И дымятся шашлычок рядом с хачапури,
Кинза, перец, соль, лучёк и Киндзмараули.

Припев:
Здравствуй Сочи, ласковое море.
Корабли в дали плывут, чайки на просторе

Ночью в Сочи звездочки мерцают
Чайки машут мне крылом
В гости приглашают.

Как мне вас не достает
Снежные вершины.
Не толпится там народ, не гуляют машины.
И покоя не дает Красная Поляна
Там лыжня меня ведет прямо к ресторану.

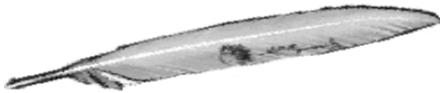
Припев:
Здравствуй Сочи, ласковое море
Корабли в дали плывут, чайки на просторе.
Здравствуй Сочи, солнечный, красивый.
Здесь я вырос, стал звездой.
Город мой любимый.

Вспоминаю близких я и друзей, конечно,
Память лучшие года сохранит навечно.
И хочу всем пожелать я здоровья, счастья,
Олимпийских вам побед и козырной масти.

Припев:
Здравствуй Сочи, ласковое море
Корабли в дали плывут, чайки на просторе.
Сочи, Сочи, жить там веселее.
Чайка машет мне крылом,
Прилетай скорее.

И мечтаю я опять вновь приехать в Сочи.
Днем на пляже загарать,
Веселиться ночью.
Соберу я всех друзей, и с душой нестарой,
Будем вместе песни петь с бубном и гитарой.

Припев:
Здравствуй Сочи, ласковое море
Корабли в дали плывут, чайки на просторе.
Сочи, Сочи, мы с тобой похожи.
Ты мне как отец родной,
Город мой хороший.
Ты мне как отец родной,
Здравствуй, мой хороший

Виктор Кукин (Россия)

Родился в 1953 году на Северном Кавказе в семье военных. Прошёл путь от советского инженера до бизнесмена. В 35 лет детям стал сочинять сказки, потом начал публиковать.

Путешествие коротышки

Высоко в горах, почти на самом краю земли жил маленький пастушок, маленьким он был не по годам, а просто не вырос в своё время. Вот за это и прозвали его Коротыш. Пастух не обижался на это прозвище. «Ведь как не зови, а лучше меня эту работу никто не сделает» - говорил он. - «Всегда у меня овцы самые упитанные и шерсть у них, как шёлк нежная, а козёл - вожак моей отары - самый сильный, самый смелый, вон как его волки боятся, даже не появляются там, где мои овцы пасутся». Вот так изо дня в день повторяя эти слова, он выгонял на поляну трёх худеньких овец и старого, мохнатого козла. Да, да. Трёх овец и одного, простите, козла. А где же огромная отара, с овцами покрытыми шелковистой шерстью - спросите вы, где, наконец, козёл, сильный и смелый, который разогнал всех волков в округе? А правда, где? А вот не было этого ничего. Был пастух, по прозвищу Коротыш, и были три овцы и один старый, бородастый, ленивый козёл, а всё остальное пастух выдумал, никогда у него не было большой отары, волки, которые должны бояться козла, просто в тех краях не водились. Соседи Коротыша говорили смеясь: «Смотрите, вон идёт великий пастух со своей отарой, обманщик, а не пастух». Коротыш удивлялся: «Кого я обманул? Кто из вас, уважаемые соседи, мне поверил, и кто пострадал от моего обмана? Если я выдумываю сам для себя, для своего веселья, разве можно называть меня так? Цельный день я пасу своих овец, в жару или в дождь, без разницы, от тоски и не то придумается, вот и приходится выдумывать разные истории, а чтобы вас, соседей, не обидеть, выдумываю всё про своих овец и себя, так, что отстаньте от меня». « Вот придумай,

что-нибудь другое» - шумели соседи - «новое, мы тоже хотим развлекаться». «А что я могу придумать, про что рассказать, если я как родился в этом селении, так здесь всё время и живу, вот если кто-то из вас возьмёт моих овец, на время, не на всегда, тогда я, конечно, пойду путешествовать. А когда вернусь, всё вам расскажу, всё что видел, всё что слышал, каких людей встречал, какие города видел». Не долго думали соседи над предложением Коротыша. «Пусть идёт» - решили они - «пасти его маленькое стадо не сложно, а если не вернётся, то овцы нам достанутся, ну а если вернётся, что-нибудь интересное расскажет, развлечёт нас». Так и решили. «Только ты в чужих краях много не болтай, больше слушай, а про нас вообще не упоминай, вдруг что-то не то скажешь, а овца твоих мы возьмём и по очереди пасти будем, с козлом сам разбирайся, хочешь с собой бери, хочешь выгони он нам не нужен». Обрадовался Коротыш: « Хорошие у меня соседи, добрые, согласились моих овец взять, а козлика с собой возьму, в дороге пригодится, будет с кем разговаривать». Взял Коротыш сумку с припасами, свистнул козлу и двинулся в путь. Всё утро и весь день шёл коротыш и вот, наконец, затемно, подошёл к маленькому городку. Коротыш решил переночевать, а утром войти в город с горожанами, послушать, о чём говорят, посмотреть, как люди живут. Улёгся коротыш на траве, положил под голову сумку - пастуху не привыкать спать под звёздами, привязал козла к ноге, чтобы не убежал, и заснул крепким сном. Утром проснулся Коротыш от шума и гомона людей, открыл глаза, а вокруг него толпа собралась, спорят, кричат, пальцами на Коротыша показывают. «Эй, вы что уставились? Если мой козёл начнёт нервничать, то будет, как вчера, несдобровать тогда мне». «А что вчера было»? «Видите ли, уважаемые горожане, это не простой козёл, а боевой, своими рогами он заколол десятка три волков, а копытами затоптал пять больших медведей». Про слонов Коротыш не сказал, скромность не позволила. «А вчера я решил на нём прокатиться, вскочил на спину, привязал себя верёвкой, и как стеганул его! А он как прыгнет, как поскачет, я не удержался, упал, и так до самого города, сзади козла, на верёвке и протаскился, люди из домов повскакивали и ну смеяться, а козёл ещё больше обиделся. Попробуй объясни ему, что это они не над ним, а надо мной смеются, очень уж смешно я сзади козла на верёвке болтался, весь истёлся, пока он не устал и у вашего города решил отдохнуть, он вон траву жуёт, а я переживаю, что мне теперь делать из за него в два раза меньше стал». «Ну ты и враль, где это видано, что козёл может столько волков победить? Ну одного, другого - ещё куда ни шло. «Да-а, вот это люди!» - подумал Коротыш. - В то, что козёл может рогами волка забодать, не поверили, а то, что человек может о землю истереться, даже не сомневаются, разве я похож на карандаш? А в чём засомневались, уважаемые?» - попытался он уточнить. - В том, что я коротышкой стал из за этого животного?» «Да нет, в это мы верим, вид у тебя измученный и башмаки дырявые, видно сразу, что ногами тормозил, а вот то, что твой козёл такой отменный боец - сомневаемся». «Да не надо сомневаться - испытайте» - воскликнул Коротыш, а про себя подумал - где они волков найдут, в крайнем случае собаку приведут, а собака на козла никогда не нападёт, вот и выкручусь. Горожане загалдели, заспорили. Кто предлагал отвести козла далеко за город. Но не так далеко, а чтобы видно было. А самим, на всякий случай, забраться на городские стены и оттуда смотреть. То-ли волки козлом пообедуют, или козёл волков на рога насадит. Но сколько ждать придется - неизвестно. Солнце высь поднимается и тогда на стене не устоишь - жарко. Другие, более умные (так им казалось), предлагали накинуть медвежью шкуру на самого сильного и посмотреть, что будет. У городского головы нашлось сразу две медвежьи шкуры, которые он давным-давно приобрёл по случаю на ярмарке. Правда, рассказывал он совсем другую историю, где ни слова не говорилось о ярмарке, зато о скромном и отважном охотнике, который спас прекрасную царевну из лап двух свирепых медведей. Об этом знал каждый горожанин. Но мысль с переодеванием как-то не прижилась. То ли решили, что в медвежьей шкуре будет очень жарко, то ли по причине дурного запаха. Но вот вылетела мысль, и обратно в головы влетела, а уж там она застряла плотненько. Вот так они и спорили целый день, пока Коротыш опять не вмешался. «А давайте так сделаем» - предложил он. - Каждый житель вашего города приведёт по одному барану. Сколько человек живёт в вашем городе?» «Двести» - хором ответили горожане. «Ну двести, так двести. Так вот, вы приводите по одному барану и мой старый козёл будет драться с

вашими боевыми круторогими баранами, с каждым по очереди или со всеми сразу. Как захотите. Вам решать. Вот так вы его и испытаете». «О! Какая хорошая мысль» - восхитился городской голова. - «Давайте так и сделаем. Но в любом обществе найдётся тот, кто всегда сомневается, так и у наших горожан. А вдруг у него козёл и правда так хорош, возьмёт и забодает наших баранчиков, кто его знает, на что он способен, вдруг он обучен тайным приёмам. Да-а, тут есть о чём подумать, хочется Коротыша посрамить и не хочется убыток нести». Пришлось Коротышу развеять сомнения: «Вы, господа, решайтесь, но знайте - если ваши бараны, такие молодые и сильные, смогут победить моего старого козла, то я обещаю, что я отработаю у вас один год бесплатно, причём кормить меня не надо, только воду давайте, а в придачу городской голова заберёт моего козла». «О, вот это дело» - обрадовался городской голова. - «Бесплатно! Без еды! Цельный год, да и козёл в придачу». Маленькое, очень маленькое сомнение зашевелилось, забрало в головах у скептиков, но жадность - великая сила, - победила, она развеяла все сомнения. Они задали лишь один вопрос: «А много ли ты пьёшь?» «Да капельку». Все хотели иметь бесплатного работника, в головах уже скрипело, что делать Коротышу, какую работу ему поручить, много ли он воды пьёт. «Конечно, наши двести баранов - это целая баранья армия, разве один козёл сможет её победить, надо соглашаться на любые условия». А чтобы Коротыш не передумал, (очень, очень хотелось такого работника), решили пообещать ему двести золотых монет, по одной с каждого жителя, ну и двести баранов, ведь всё равно никаких шансов у него нет. И вот, на базарную площадь стали собирать стадо. «Десять, двадцать! - считал Коротыш - сто пятьдесят...» Наконец последний, двухсотый. Двести баранов - серые, чёрные, белые, разве что полосатые не было. Пыль поднялась густая, люди чихают, глаза потеют - вот оно грозное воинство, косматое, рогатое и блеющее. Сейчас оно набросится на этого старого козлика и растопчет его вместе с хозяином. «Эй, Коротыш, уходи в сторону, растопчут» - закричал кто-то из толпы горожан. Но произошло, что-то ужасное и непонятное. Козёл Коротыша повернулся задом к бараньему стаду, заблеял и двинулся за город, а за ним, резво перебирая копытами, двинулось всё стадо. «Ужас! Они что, сдались без боя? Сдались все двести баранов, и теперь он ведёт их в плен?» Некоторые из горожан пытались выгнать своих баранов из общего стада, хватая их за рога, цеплялись за куцые хвосты, но не тут то было - стадо упрямо двигалось за вожак. Вполне объяснимо - ведь то, что не понятно горожскому жителю, просто для сельчанина - кто впереди, тот и вожак. Увы, пришлось раскошелиться, а как было жалко отдавать золотые монеты, целых двести штук, да и стадо теперь не вернуть, вон как далеко ушли. Вот так Коротыш посмеялся над горожанами, ведь если где-то поселиться глупость и жадность, то добра от этого не жди, а можно и по другому сказать: «То, что от дурака ушло, обязательно к умному прибьётся».

О пользе волшебной палочки

Утром шёл дождь. Председатель Криволапенко мчался на колхозном велосипеде прямо по лужам, не объезжая, не сбавляя скорости. «Главное успеть, не опоздать. Конечно, в УАЗ'е, или, скажем, в НИВ'е, будет удобнее, да где взять? Ничего, вон Павел Корчагин с хлопцами железную дорогу с одним наганом и лопатой построили, а у нас лопат - ещё о-го-го, сколько, надо перехватить этого Лёху - чудака, пообещать зерна чуть, маслица, а если не согласится, то и в зятья можно взять - дело того стоит, в крайнем случае медаль свою сниму «Битва за урожай», эти дембеля на побрякушки падкие, прямо на перроне вручу, торжественно - так мол и так, Лёха, награждаю тебя медалью «Битва за урожай». Нет, пожалуй торжественно не получится - обществу нет. «ФА-ФА-ФА» - громко просигналили сзади. «Товарищ Криволапенко, примите вправо и остановитесь! Ты мешаешь движению оперативного транспорта». «О Господи», - взмолился председатель - «ну куда от этого копытёного деваться, спасу нет.» Однако пришлось на обочину съехать. Мимо, сверкая голубыми номерами, промчался Форд начальника милиции, солнечные лучи мерцали на стёклах, прыгали, обласкивая чистую машину. «Вот везёт менту, мне грязь

по уши, а ему и в дождь солнце светит, хоть и по одной улице едем, и зачем ему ещё счастье. Правда говорят, что счастья, как и денег, много не бывает, но нельзя так всё себе и себе - и деньги, и счастье, и жену молодую, и Лёху точно он перехватит? Из под носа выхватит, посулит ему форму, машину, да палочку волшебную. Может, гад, может, знает кого обласкать, а кого в рыло, ничего не боится - хозяин, а я боюсь, потому что трус, вот купил машину и в гараж - подальше от чужих глаз, всего боюсь, вдруг придут и спросят: «А откуда у тебя Лексус? На какие шиши купленный, хозяйство то всё в долгах, по уши. Не на те - ли деньги, что за комбайн выручил?» И всё. И сказать нечего, посадить, конечно не посадят - откуплюсь. Вот и приходится на велике ездить, ничего, для здоровья оно полезней. Криволапенко, всё топтался в грязи, а Форд уже возвращался, на заднем сидении развалился весёлый начальник милиции, а рядом в парадной армейской форме, вся грудь в значках, Лёха-солдат. Наверно пора рассказать, почему это вдруг всем понадобился этот Лёха. А случилось так, что старая ведьма в «Инциклопедии ведьм» прочла пророчество, где прямо так и говорится, что много бед может прийти к государевым людям в этом году, но все или почти все беды может отвести солдат Лёха, который в большом железном ящике будет проезжать мимо нас в этом году. Но тут, конечно, долго гадать не пришлось, сразу догадались, что железный ящик - это поезд, вот и захотели того Лёху перехватить, чтобы беду отвёл, да счастье сохранил, а так как главный блюститель порядка решил, что Лёха нужнее всего ему, он его и забрал, - а как иначе, на то он и начальник. Ну вот, долго не думая, привезли Лёху в милицеекое управление, одели, обули, фуражку с кокардой выдали, а потом главный начальник и говорит: «Ты Лёха, о плохом не думай, раньше ты Родину защищал, а теперь от меня все беды и невзгоды отгонять будешь, а чтобы у тебя хорошо получалось, выдам я тебе свою заветную, волшебную палочку. Возьми её с лёгким сердцем, да береги, она меня в люди вывела, всё что у меня есть, всё с её помощью пришло, потому как в её сердцевине зуб мудрости дракона находится». Сказав такие слова начальник достал из сейфа какую-то полосатую палку, видимо она была очень ценной, раз ее прятали в сейфе. «Вот, владей, от себя отрываю, как от сердца, руку в темлячок проденешь, а дальше она всё сама сделает» - и уже строго добавил: - «Не забудь, каждый вечер, то, что палочка наколдует, сюда приноси, себе чуть отщипни, а остальное мне. Смотри не забудь и не попутай - себе отщипнуть, а остальное мне, не наоборот, а то большую беду можешь накликать, только уже на себя». Поставили Лёху на пост возле самого красивого дома, чистота, розы на клумбах цветут, фиалками пахнет, машины вокруг едут все разные, есть красивые, а есть и жигули с москвичами, но такие редко попадались. Стоит Лёха, ждёт, что палочка делать будет, крутит её, из одной руки в другую перекладывает, а палочка мычит себе, так тоскливо, будто стонет. «Эй, что с тобой? Ты что, болеешь?» «Ой, болею, зуб покою не даёт, целый год мучаюсь, кариес». «Так к врачу надо, что же ты бедолага страдаешь». Отнёс Лёха волшебную палочку к стоматологу, вылечил врач зуб, поругал Лёху, что он зуб не бережёт, не чистит после работы. Палочка заблестела, засияла вся, как новая и говорит человеческим голосом, правда акцент у неё был непонятный, то ли вьетнамский, то ли китайский: «Плоси, Лёса, сто хотес, хотес денюску? Нет, не хочес? А деваську хочес? Нет, твоя и ето не хочес? А сто Лёся хочес?» «Во, блин, даёшь, когда зуб болел, так по русски говорила, а как выздоровела, так зачудила» - удивился Лёха. - «Нет, деньги у меня ещё есть, а девочки, то вон они, только подмигни, сами прибегут, да и не по людски это, за такое дело деньги брать». «А как же мне тебя отблагодарить? Давай друзьями будем, только денег у меня в долг не проси, не люблю я это, поспоримся, вон твой начальник новый много мне денег должен, а отдавать не хочет, спрятал меня в железный ящик, год воли не видала». Так и подружались. Всё ничего, но вышло из этой дружбы сплошные истории. Палочка как с цепи сорвалась, крутится, вертится да и понятно - год взаперти, по работе соскучилась, столько машин остановила и все одна лучше другой, ну а Лёхе то как? Столько писанины у него никогда не было,

штук двадцать протоколов составил, а сколько слов обидных наслушался, кто обещает туда загнать, где Макар телят не гонял, кто деньги в карман засунуть пытается, Лёха, конечно, не брал, помнил о чём палочка просила, но больше всего удивил один лысый, видно из больших начальников, - так кричал, когда Лёху у него синий маячок отобрал, что было опасение вот-вот глаза выскочат, но слава Богу обошлось, лысый уехал, но очень сильно обиделся, обещал разобраться по полной. К вечеру Лёха сложил все протоколы в конверт, пухлый такой получился и пошел к своему начальнику. «Молодец» - похвалил начальник. - «Ай-да Лёха, в первый день и так хорошо поработал». Начальник разорвал конверт и на стол посыпались деньги, много денег, заморские. Палочка затмила, затуманила глаза начальнику и он увидел то, что хотел. «Себе отщипнул?» «Да мне они без надобности». «Тоже верно» - согласился начальник - «молодого это только разбалует, не зря я сегодня к телефону не подходил, чуял жалобщики звонят, не отчаивайся - прикрою. Молодец. Хвалю. Завтра, с утра можешь сам себе место выбрать, становишься - где хочешь». «Есть» - по армейской привычке ответил Лёха, развернулся через левое плечо и был таков. Только собрался Лёха в кино пойти, пивка выпить, отдохнуть культурно, да палочка взбунтовалась: «Мне кино твоё ни к чему, пошли на работу. Вечером, как стемнеет, все лихачи на дороге вылезут, а мы тут как тут». Делать нечего. Хоть и устал Лёха за день, да отказать другу не посмел, пришлось опять форму одевать и на работу идти, только вышли на улицу, как видят: мчитя по дороге лексус, из одной стороны в другую виляет, а за рулём председатель Криволапенко, вытянулась палочка, остановила Лексус, пока пьяный председатель из машины выходил, да на ходу обдумывал, сколько денег в Лёхин карман сунуть, чтобы скандала избежать. Палочка тихо так шепчет Лёхе: «Ты вообще его не ругай, головой покачай осуждающе, как дитю малому и отпусти». «Как я пьяного отпущу, ты что?» «Отпускай, говорю тебе, забыл, что во мне зуб мудрости огненного дракона, а он тысячу лет в Китае прожил. План есть, потом узнаешь». Председатель Криволапенко вначале обрадовался, от радости протрезвел, а протрезвев - задумался: «Что-то не так - и скорость превысил, и водочки принял на грудь, и не мало, за какие такие заслуги он меня отпустил? Наверное тайно на камеру снял, а это ещё хуже, или зерном придётся откупиться, или, не дай бог, с должности попросят. Ладно ещё зерном, двух милицееких попугайчиков прокормить всегда можно - жрут, правда за целую птицефабрику, но отказать себе дорожке выйдет, а вот если с должности попрут... Надо предупредить, написать куда следует, да утром рано самому и отвезти, известно, как у нас почта работает. Так и сделаю, сам напишу, сам отвезу, не поленюсь на велосипеде поеду, на жалость давать буду». Сильно, в этот раз, повезло председателю. Кроме него, на милицеекого начальника ещё десять жалоб пришло, половина из тех, кого Лёха оштрафовал, решили, что это он не сам не по своей воле, а по указке главного милиционера, потому и решили предупредить на всякий случай, как говорится «в струю» попали, вся страна в это время с коррупцией боролась, а особенно постарался тот лысый, у которого Лёха синий маячок отобрал, тот такое написал... В общем, самыми мягкими словами были «подрыв авторитета правящей партии и неконструктивная оппозиция, лично премьер-министру», клянусь - раньше за это расстреливали, а сейчас порешили просто снять главного мента, как коррупционера и плохого человека, по тихому не получилось. Сидит бывший начальник, не подумайте плохого, не в тюрьме, а под яблонькой у себя в саду и думает: «Как мне повезло, хорошо, что успел Лёху с поезда снять да уговорить у меня работать, точно срок получил бы, лет на семь накопили, отвёл Лёха беду. Права была старая колдунья, счастье он мне принёс. А Лёха уволился с милиции, волшебная палочка помогла, сделала так, как будто его там никогда и не было, а чтобы он без дела не болтался, устроила его в городскую администрацию помощником мэра, но и это ещё не всё; Лёха парень честолобивый, есть у него желание у губернатора поработать, а там глядишь и в правительстве пригодится, так палочка пообещала - дружить, так дружить».

Валентина Ласлоцки

Родилась на Южном Урале. В 1983 году закончила филологический факультет Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова по специальности русский язык, как иностранный. С 1986 года живет за пределами России. В зрелом возрасте начала писать рассказы-зарисовки и миниатюры, которые были напечатаны в некоторых газетных изданиях. В 2007 в Венгрии вышла книга «Мой маленький Будда» о сыне с синдромом Дауна. Эта «поистине светоносная книга» (Ольга Мариничева) сейчас готовится к печати в России.

*Как велит простая учтивость,
Подойдѣ ко мне, улыбулся,
Полуласково, полулюбовно
Поцелуем руки коснулся...*

*Было душно от жгучего света,
Взгляд его, как лучи.
Я только вздрогнула: «Этот
Сможет меня приручить...»
(А. Ахматова)*

Он и Она (по волнам Её памяти)

1

Когда это было?...
23 года назад. В маленькой комнатке студенческого общежития, которая несмотря на свои исключительно скромные размеры, была весьма вместительной. В тот октябрьский вечер там собралось человек десять, а то и больше. Стол тоже мало походил на студенческий. Филологи умели пировать изысканно. Она сидела в низком допотопном кресле (элитная мебель! Не во всякой комнате такое найдѣтся!), и снизу вверх смотрела на шумных, весѣлых, самоуверенных хозяек и многочисленных гостей. Праздновали чей-то день рождения, или очередную субботу, или просто свою молодость... Она уже не принадлежала к ним. Получив диплом филолога и начав работать в маленькой, затерянной в тверских лесах школе-интернате, Она тоже была только гостьей в бывшей своей 714-ой. (Если бы Её интересовала магическая сила чисел, наверное, Она увидела в этом какой-то знак: 7 и 14! Ведь во всѣм есть какая-то закономерность. Может, так оно и было? Ведь именно здесь Ей предстояло встретить свою судьбу). Но не подумайте, что Она грустила! Вовсе нет! Она была так же весела и беспечна, как и год назад. Ей были рады Её старые друзья, Она была в курсе всего, что здесь происходит, и совсем не чувствовала себя чужой на этом празднике жизни. Открылась дверь, вошли новые гости. Их было трое. Венгры. Ещё более самоуверенные, чем хозяйки этой маленькой комнатки. Словно боги с Олимпа спустились на грешную землю. Этские хозяева жизни. И тут же стали мишенью для шуток филологов, для которых не существовало никаких авторитетов. Фейерверк острословия и утончѣнного юмора. В общем веселье, царившем за столом, не сразу заметили, как один из иностранных гостей встал и отделился от дружной компании. Его быстро утомили изыски словоохотливых филологинь и их не менее болтливых парней, тоже филологов (хотя это преувеличение: он был, кажется, всего один и мало чем отличался от своих подружек, разве только интенсивной растительностью на лице). Их юмор был для него слишком уж тонким. Кроме того Он заметил кресло (всегда любил удобно посидеть!). Но кресло

было уже занято. В кресле сидела Она... Он опустился перед Ней на одно колено. Для того ли, чтобы попытаться освободить приглянувшееся место, или с какой другой целью, этого Он и сам уже не мог бы сказать. Но с того дня прошло вот уже 23 года, а Он всё ещё стоит перед Ней, приклонив колено...

2

*Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лёд и пламень
Не столь различны меж собой...
(А.С. Пушкин)*

Они очень разные. Он венгр, твёрдо стоящий на земле обеими ногами. Она русская, которой управляют чувства. Он основательный и медлительный, Она быстрая и стремительная. Он большой и сильный. Она маленькая и... тоже сильная. Он не хотел русскую жену. Она никогда не мечтала о жизни за границей.

Для Него серый может быть зелѣным или синим, чѣрный - цвет траура, а красная обувь не приемлема для порядочной женщины. Для Нѣй серый - это серый, чѣрный - сама эlegantность, а красные туфли - лишь соответствующая деталь туалета.

Они по-разному рассказывают одну и ту же историю и по-разному слышат её: Он во всѣм ищет смысл, часто потайной, пропуская мелочи, для Нѣй же важны именно детали.

Если Он начертит план пути, объясняя Ей дорогу, то совсем запутает Её, потому что для Нѣй та самая пресловутая «печка, от которой надо танцевать», находится совсем в другом месте.

Они спорят по самым невероятным вопросам, от воспитания детей до политики Буша, насмерть отстаивая каждый свою точку зрения, и редко приходят к общему знаменателю, да и то только потому, что научились уступать друг другу.

Он рано ложится спать и рано встаѣт. Она засиживается за полночь и с утра пребывает в мрачном расположении духа.

Он закрывает окна, которые Она постоянно держит нараспашку, потому что Он мѣрзнет, когда Она задыхается от жары.

Он любит поесть. Её раздражает, когда вообще кто-то ест, тем более Он.

Ему каждую минуту надо видеть Её рядом с собой, заботиться о Ней и опекать. Ей это нравится, но иногда Она любит быть далеко от Него, чтобы хотя бы навремя почувствовать себя самостоятельной и независимой. (Но при этом для душевного комфорта ей тоже необходимо знать, что с Ним всё в порядке.)

Он однолюб, если не считать женщин с красивыми волосами. Но при этом может очаровать любую женщину «бальзаковского возраста» и старше. (Её это развлекает.) Она до сих пор легко влюбляется в самых невероятных «героев», как и тридцать лет назад (Он в курсе всех Её «влюблѣнностей», и бывших, и настоящих - его это тоже развлекает (развлекает ли?!)), и так же быстро «разлюбляется», потому что в Её жизни есть только один «герой». Он.

3

Она помнит Его в тот первый вечер, приклонившим перед Ней колено...

Помнит бегущим Ей навстречу по длинному коридору, чтобы как можно скорее обнять Её... Помнит ждущим Её на платформе перед электричкой, перед поездом, в аэропорту...

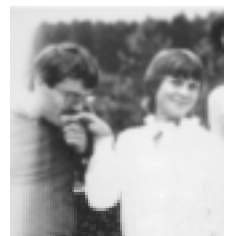
Помнит пробирающимся по глубокому снегу в тверском лесу...

Помнит его заросшее щетиной лицо с красными от бессонницы глазами, когда Она рожала сына...

Помнит весѣлым и смеющимся, серьёзным и озабоченным, расстроенным и злым, деловым и уверенным в себе, расстерянным и нерешительным...

Она помнит Его всего, потому что знает Его, как самоѣ себя. Потому что Он живѣт в Ней. Потому что Они единое целое. Вот уже 23 года...

С любовью:

«Она»

Сергей Плышевский (Канада)

Интеграция эмигранта в другую культуру (например, русского человека в культуру североамериканскую) представляется мне смешением разных потоков, как будто в торфяную реку вливается глинистый приток и сверху видно, как на сотни километров эти потоки соседствуют и растворяются друг в друге, иногда так и впадают в море небьгия, до конца не перемешавшись. Зона смешения этих потоков становится шире и шире, но чистота оригинальности обеих берегов, хотя бы тонкой плёнкой генетического приятия, остаётся. До самого конца дней своих эмигрант ведет себя как «Миссисипи с Миссури» или как «Обь с Иртышом». Вместе и порознь, его река несет два потока различных культур, и душа человека выбирает из обеих частей потока самые необходимые капельки и струйки.

Культура – в широком понимании – включает не только литературу, музыку и искусство, а также уходящие корнями в историю модели поведения, нравственные стереотипы, педагогические и воспитательные приемы, традиции, обычаи, приметы, поговорки, кулинарные наклонности и многое другое.

Если я буду готовить мясо или рыбу, будьте уверены, что на моем разделочном столе появятся лук, укроп и иногда картошка. Франко-канадец передернет плечами при слове «укроп» и удивится, отчего нет розмарина и, главное, вина. «Майонез-то зачем?» – спросит он, впадая в полный ступор. Англо-канадец поинтересуется, в какие булочки я буду вкладывать это мясо, когда оно приготовится, и каким соусом буду его поливать перед тем, как створки этих булочек захлопнуть. А русский посетитель моего дома – будьте уверены! – установит под запись, как я это приготовил.

Милые старые приметы, в которые я не верю, но которые, на всякий случай исполняю... Провожу ладонью по затылку против направления роста волос, снизу вверх, если черная кошка перебежит дорогу. Погляжу в зеркало, если вынужден вернуться, забыв что-то дома. Если вилка упадет на пол, пробормочу: «Злая тётка придёт». Увидев растущий месяц, покажу ему купюру, чтобы остаток месяца быть при деньгах.

Знакомые американцы и канадцы смеются над этими невинными обычаями и говорят, что ничего подобного средю не видали. Не правда, видали. Они тоже постукивают по дереву, чтобы не сглазить и бормочут: «Touch wood», а ещё держат пальцы скрещенными, чтобы не сорвалось, да и ещё кое-что. Когда я им напоминаю об этом, удивлённо соглашаются: да, другое культурное направление, другие корни, но тоже есть эти невинные предрассудки.

А вот пример более драматический. Не потому, что я его подглядел в больнице, вернее не потому, что я сам в эту больницу попал. (Кстати, и попал-то я по безрассудному русскому обычаю откладывать визит к врачу до последнего, пока уже совсем не припечёт). Так вот, лежу я себе полёживаю в «Дженерал госпитале» канадской столицы, терзаю доктора тщательно продуманными вопросами так, что он, бедный, прячется от меня и подсылает практикантов и интернов, читаю книжки, ем, что дают, гуляю по коридору в больничном халатике, и знаколюсь с обстановкой и людьми вокруг. В соседней палате лежит мужик моего примерно возраста, лет сорок пять. Бородка с проседью, умное лицо, строгие очки. Он хорошо устроен в жизни, лежит в 2-местной палате, в «полулюксе», что свидетельствует о приличном доходе... Впрочем, я тоже в 2-местной «полулюксе» лежу, что свидетельствует о моем гипнотическом воздействии на медицинский персонал – лучше бы тоже о доходе свидетельствовало. Так вот, мужик этот, мистер Джонстон, всякий раз кивает мне головой, потому что считает меня ровней по положению в больнице, и мы с ним перебарываемся фразами. Выясняется, что он лежит здесь с неустановленным диагнозом и очень огорчается по этому поводу. Вроде бы никаких серьезных проблем у него нет, но анализы какие-то нестабильные, да голова побаливает иногда, да покашливает изредка, но совсем чуть-чуть, кажется, похудел на пару килограммов. И если он бежит по ступенькам вверх, то на 8 этаже ему делается не по себе, а раньше это было только на 10-м... Состояние мистера Джонстона очень подавленное, прежде всего оттого, что никто не знает, что с ним такое. Он разговаривает тихо, ему отказывает чувство юмора, семья приходит его навещать, и он подолгу сидит в семейном кругу, повесив голову.

И вот однажды, неделю спустя, я улавливаю какие-то необычные звуки, идущие из коридора. Звуки усиливаются и превращаются в громкие крики, все более членораздельные по мере приближения. Я выхожу в коридор и вижу лечащего врача мистера Джонстона, который несётся по коридору и, торжествуя, вопит: «Мистер Джонстон, мистер Джонстон, мы наконец знаем, что с вами! Мы установили диагноз! Мы нашли! У вас рак, рак лёгких, последняя стадия, вы через 3 месяца умрёте!» Я отшатнулся и сначала подумал, что неправильно понял. Ну не стал бы доктор разглашать такую жуткую информацию всему этажу госпиталя. Но тут вышел сам мистер Джонстон, прибежали нянечки-медсестрички-медбратики и диагноз «рак» стал очевиден. Я хотел было выразить соболезнование и надежду на

возможное излечение, упомянуть вполне вероятную ошибку докторов, но сдержался, потому что... мистер Джонстон подобрался, слегка улыбнулся, выстрелил в доктора несколькими короткими вопросами – стадия, прогноз, сколько точно времени ему осталось жить, – и быстренько доктора выпроводил, договорившись, что они встретятся через день и обсудят план лечения.

После этого он подбежал к телефону и сделал несколько звонков. Затем в изнеможении откинулся в кресле, прикрыл глаза и сжал подлокотники руками. Губы его шевелились, как будто отдавая приказ, лицо приобрело волевой оттенок. Через час притихшие родственники расположились вокруг мистера Джонстона. До меня доносились обрывки фраз. «В страховую компанию я пока не звонил. Надо срочно вызвать нашего адвоката и нотариуса. Сделать распоряжения насчет недвижимости и ценных бумаг. Надо внимательно проверить завещание. Бабушкины привилегии, которые на мне после смерти дедушки – перевести их на Кимберли. Паевой взнос пересмотреть. Регистрацию компании переделать. Позвоните тете Энн в Австралию. Сообщите дяде Майклу в Ирландию. Все должны собраться – подумаем когда. Это надо успеть до того, как доктор предъявит официальное заключение биопсии. У нас всего несколько дней, надо все успеть. Юридически я ничего не знаю, пока нет письменного заключения. Давайте подумаем, может быть мы просто съездим к юристу сами, а не будем вызывать его в больницу». И так далее, и тому подобное.

Семья разошлась, я решил подбодрить беднягу и зашел к нему. Однако глаза его светились уверенностью, движения были сосредоточены, слова скупы и вески. Куда девалась его угнетённость и подавленность. Он похлопал меня по плечу... Это ОН соболезновал мне, потому что МОЙ диагноз еще не был окончательно ясен. «Смерть – это часть жизни», – сказал он, и как здорово, что он умирает молодым, дееспособным и без чувствительных мучений. Осталось только грамотно распорядиться имуществом и провести остаток дней в достатке, а может быть и в путешествиях и пирхах!

Ведь, в сущности, совсем по Воланду, который успокаивал несчастного буфетчика из Варьете... Культуры сомкнулись на этой булгаковской фразе, в этом нелепом сценарии, из полного непонятия и неприятия родилась полная гармония. Хотел бы я так же встретить свой последний час? Или, по русской своей сущности, предпочел бы узнать диагноз конфиденциально? Уверен ли я в том, что вообще хотел бы узнать такой диагноз? Вот ведь чёрт.

Чёрт, сошедший на землю, по Булгакову, сказал его устами эту правду. Или это Бог, который неизвестно, есть или нет, вложил эти слова в уста булгаковского чёрта? Великий мастер великой русской культуры в словах героя, этой культуре противостоявшего, обозначил отличную от русской, культуру страны, в которой я живу.

«Свежесть бывает только одна – первая, она же и последняя». Как я придиричиво обнюхивал продукты в советском пространстве, и как я их продолжаю обнюхивать в Канаде. Как я их выбрасывал там, если запах не оправдывал названия, и как я их бережно прячу в морозильник тут, чтобы назавтра отвезти в департамент здравоохранения на обнюхивание и заключение о том, что супермаркет, где такое продают, пора прихлопнуть. «Там» я заботился о сохранении собственного здоровья, а «тут» я хочу не допустить второго «там».

Смешение культур увлекает меня не только пробовать паззлю в Испании, гусиному печеню в Париже, скорпионов и змей в Китае, но и посетить бастионы американских (и канадских) устоев. Попытаться полюбить гамбургеры и хотдоги, нерифмованную неритмическую современную поэзию, бестселлеры, заумную фантастику, фэнтези и ужастики. Попытаться понять и перенять лучшее от этих мастеров джонстонов и... не забыть то ценное, что годами выработалось, выбродило, как вино, и настоялось, как коньяк. Попытаться полюбить голливудские фильмы, надуманные, красивые, подтасованные, но безотказно выбивающие слезу и приводящие к торжеству справедливости. И не забыть при этом моих любимых советских мюнхгаузенов, суховых и горбунковых.

Друзья мои, (недрузья ведь не станут это читать?) извините за следующий абзац... Всё предыдущее я написал, поставив 4 бока свиных ребрышек в духовку, и пока они готовились, обсыпанные порошком для греческого маринада, я всё это писал, а потом я послал детей за виски, и они привезли бутылку 1,14 литра ржаного канадского виски... вы понимаете, друзья мои? Канадского ржаного. Почему ржаного? А он не воняет сивухой, как американский, шотландский и прочий всякий другой. Американцы любят сивушный запах самогонки, они просто брагу не пробовали, а я больше не хочу. Почему 1,14? Это сколько-то там ровное количество унций... Почему ребрышки? Ужасно вкусная штука, если ее макать в... русскую горчицу и заедать помидорами «с куста, на веточках», которые зимой продаются в Канаде по 89 центов за фунт. Вот, ребрышки приготовились, были съедены и запиты... и теперь я продолжаю писать – своё «эссе», как говорят «тут», – свой рассказ, как сказали бы «там».

Я, наверное, длинно пишу. обстоятельно, как писали «русский» писатель Чарльз Диккенс или не менее «русский» Анатолий Франс. Я пишу о жизни без малейших отклонений, как писал «русский» писатель Эрнст

Хемингуэй, и очень сентиментально и в то же время с циничным оттенком, как писал очень русско-германский писатель Эрих Мария Ремарк. Я не буду сравнивать себя с настоящими, без кавычек, русскими Достоевским или Гоголем, потому что если:

а) я пишу хуже их, то они же гении, я – кто? простой советский доктор наук;
б) пишу так же, как они, то потому что я же повторяю то, что они уже написали;
в) пишу лучше их – то это естественно, я же стою на их плечах...

Но то, что я пишу – это то, что я думаю и ощущаю, и может быть кому-нибудь, похожему на меня, будет полезно узнать, что он будет ощущать со своей русской культурой в этом североамериканском обществе. Даже людям с иной культурной подоплёкой может быть любопытно узнать, что чувствуют люди моего склада ума и характера, на не освоенной русской культурой территории.

Я еду в американской машине и слушаю канадское радио, я в восторге от некоторых передач и ток-шоу. Но на mp3 плеере «Сони» стоит диск с песнями Визбора, а кто-нибудь в России сейчас слушает Бритни Спирс на mp3 плеере фирмы «Красный Коммунар»? Наверное, только мало кто слушает Визбора и тут, и там. Такие родные интонации, слова и чувства. «Католическая церковь на высоком берегу».

А почему он произносит «церковь»? С мягким знаком после «р»? Моя бабушка по материнской линии, знаменитая учительница Агния Григорьевна Орлова, произносила так же: «церковь», «вверх». Почему знаменитая? Спросите у ее учеников и у тех, кто ее, беспартийную, к ордену Ленина представлял. А почему она с этим самым орденом, все равно говорила: «Истинный крест»? Почему она так произносила это «вверх»? А почему меняются слова? Мои родители говорили «зал», и наши учителя в школе так говорили, но мы уже говорили «зал». Когда я понес свои стихи в редакцию журнала «Урал» и их на удивление согласились печатать, мне сказали: «отдал – нет такого слова, правильно – Отдал» и в словаре трудностей русского языка так и значилось: «Отдал, не отдал». А теперь почему-то по словарю правильно «отдал», а «Отдал» – устаревшее...

А как говорил мой дедушка? «Э-хе-хе, пресвятая богородица, грехи наши тяжки, спаси и помилуй нас». Не оторваться мгновенно от корней своих, от культуры своей. Он и воспитывал меня, учил играть на пианино, а его учила ученица Нейгауза. Он закончил три университета, знал греческий, латинский, немецкий, французский и на пенсии учил английский, на 1-й мировой войне получил три Георгиевских креста и был представлен к четвертому, потом был адвокатом, прокурором и председателем областного суда, он даже выкрутиться от сталинский репрессий сумел, потому что сохранил протокол собрания, на котором после революции солдаты выбрали его командиром полка... Как же мне не вспомнить его, я же впитал его прибаутки и песенки, я же нес в сердце его обещание когда-нибудь рассказать мне такое, о чем пока еще и заикаться нельзя... Конечно, я вспоминаю.

*Гулин-джан, Гулин-джан,
Дело понимай,
Вместо фунт полфунт давай
Ничего не знай!*

Конечно, я вспоминаю.

*Чинно Алгебру несли в гробе из журналов,
По бокам ее брели вереницы баллов.
Радикалы по бокам, словно как кадеты,
Шли по росту, по рядам, празднично одеты...*

Конечно, я продолжаю вспоминать.

*Когда Ной вышел из ларца,
Увидел Господа-творца.
Творцу приятен жертвы дым,
Рече к нему: «Благоволит.
Зане ты праведен еси,
Чего не хочешь, то проси!»*

И никогда не забуду...

*Пусик, глаза твои горят,
Пусик, милей, чем шоколад,
Пусик, наш милый Пусик,
Ты всем так мил, нас покори!*

А эти романы... «Мой уголок я убрала цветами...», «Как чайкой охотник, шутя и играя, он юное сердце навеки разбил...» Я же до сих пор помню все слова и все мелодии, я их играл на пианино и готов сыграть теперь. Кому-нибудь это нужно ещё? Дочери моей, которая ни единого дня не ходила в русскую школу, но без малейшего акцента говорит по-русски и слушает мои стихи и стихи поэтов, посещающих мой дом? Которая и в канадскую школу не хочет ходить до полного завершения, потому что уже работает в ресторане и получает двести долларов за вечер? У нее замечательный «бойфренд», владелец компьютерной

фирмы, он не пьет, не курит, но стесняется прийти к нам в гости, потому что и он не закончил канадскую высшую школу. Что бы говорили обо мне, если бы я не окончил советской школы, или окончил бы всего 8 классов? Считали бы отбросом общества? Правда, такого общества, где все что-то «считают» о ком-то и где все заботится только о том, что о них подумают другие люди.

Стихи ведь тоже лингвистика и культура. Невероятно похожими в переводе являются столь далекие друг от друга русский и английский. Не в буквальном переводе, а в тенденции метафор, впрочем, об этом я напишу в следующей раз, а не сегодня, после ребрышек и виски. Проникновение слов из языка в язык... такое вот: «Хани, закрой окно, а то чилдренята простудятся», всякий «спэнглиш» (контaminaция английского и испанского) на меня не очень действуют. Но кластерами, блоками, реминисценции одного языка в другой меня захватывают настолько, что даже в стихи прорываются. Вот такое, например:

Ржав да рыж,
Далеко ль до лыж
В ноябре-то?
Молоком бела
Угольком сожгла
Сигарета.
Чем глядеть окрест,
Покидай насест,
Свой куриный best
Through the ages,
Through the time of fall
Сбереги глагол,
Be courageous.

Да-да, надо именно что «сберечь глагол». Тот глагол, что достался мне с рождения, один из лучших глаголов планеты, которым пользовались до меня, и будут пользоваться после, такой чувствительный к суффиксам и интонациям. Без нехороших слов и с нехорошими словами, без бога, веры и традиций, и с ними, с большой буквы и с маленькой, тот глагол, который является частью культурного потока и несёт с собой отпечатки великих сказителей древнего, создает среду для сказителей настоящего и будущего. Через них, в свою очередь, протянутся нити из прошлого в будущее, когда, согласно Лобачевскому, все параллельные линии в бесконечности сомкнутся, – так сомкнутся и параллельные культуры, да только мы не доживем до этого, или доживем только в нашем продолжении – через культурное наследие наше. Утешимся же сегодня возможностью внезапных сверканий в параллельном течении языков и культур, когда единственное слово способно вызвать или переменить настроение... вот я вам сейчас приведу пример – это стихотворение я написал два дня назад... представьте себе бесконечную ленту дороги через стекло 3-тонного грузовичка, на рассвете, в 5 утра, чёрт-те где в канадской глуши, когда совы чуть ли не бьются в стекло, а сотовый телефон показывает нулевую возможность эфира.

Между ближним и дальним светом
полиялого сна кассета,
лоскутки предрастветной замши
да лохмотья туманов павших,
да глухое ворчанье ночи,
да звезды предпоследний росчерк.

Обвисает на ветках дизель,
по карнизам бубнит «К Элизе»,
То ли Моцарт, а то Бетховен,
бестелесен и безреховен,
и порхает горячий выхлоп
на кустах и сугробах рыхлых.

Я и музыка весь, и – ухо,
я соната, баллада, fuga,
я аккордами ночь расстроил
в диссонансы своих героев,
и смотрю, как в рассветном мраке
уплывает дорога fucking...

Простите мне, дорогие друзья, это нехорошее, но так к месту вырвавшееся слово, которое не требует перевода. Оно здесь более к месту, чем любое другое слово из русского языка. Оно за мгновение произнесения переносит мои русские стихи на ночную канадскую дорогу, за которой нужен глаз да глаз. Когда я в советской английской спецшколе учил язык, я часто ловил себя на том, что мыслю на английском. Теперь часто ловлю себя на том, что я думаю на русском. Там я был русским человеком, знающим английский язык, а здесь я – канадский поэт, пишущий по-русски. Вернее, на русском языке, потому что русскими мои нынешние мысли и шаблоны поведения уже вряд ли назовёшь. Долой надуманность, зависть, чернуху и надрыз, и да здравствует свет, радость, беззаботность и отсутствие необходимости опасаться!

Владимир Вдовин (Англия)

Джек Лондон в моей жизни

О чем эта статья? Да о вечном, - о смысле жизни. Я хотел начать её словами из «Мартина Идена»: «Вся наша жизнь - ошибка и позор», рассказать о своей жизни, прожитой бездарно и напрасно, для «красного словца» вставить цитату из Лермонтова: «Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить её, как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?» Но потом подумал: «А кого сегодня удивишь или заинтересуешь рассказом о чужой напрасно прожитой жизни?» Да любой человек, будь то опустившийся пьяница или преуспевающий бизнесмен, популярный артист или президент страны, может рассказать вам о своих неосуществленных планах.

Можно привести множество высказываний людей разных исторических эпох и общественного положения, в которых они говорят о своих несбывшихся надеждах. Почему так происходит? Почему разочарование в жизни становится порой сильнее инстинкта самосохранения?

Видимо, существует в отношениях между людьми, или в самом человеке, что-то такое, что не позволяет человеку реализовать свои мечты и желания. Своеобразная болезнь, поражающая мышление, болезнь, приводящая порой к летальному исходу.

Для одних жизнь становится невыносимой на вершине славы, и они кончают жизнь самоубийством. Другие на дне общества ищут выход в пьянстве или наркотиках, убивают свой разум - собственно источник болезни.

В свое время, когда я еще не привык к тому, что реальная жизнь постоянно отторгала меня, как живой организм инородное тело, я и сам подумывал свести счеты с жизнью. Тогда я обвинял в этом социалистическую систему, в которой я жил и в которой был лишним человеком. Но тема «лишнего человека» существовала всегда: будь то Мартин Иден Джека Лондона или Чацкий из «Горя от ума» Грибоедова. Значит, причина в чем-то другом, а не в общественной системе.

Пусть моя история - одна из многих. Но она существует и почему бы о ней не поведать миру. Из таких историй-песчинок и складывается история человечества. Меня вдохновляют слова Лондона: «Все связано в мире, от самой далекой звезды в небесных просторах и до малейшего атома в песчинке под ногой человека».

Для себя я нашел решение проблемы относительно целесообразности дальнейшего существования. Я не буду ни убивать свое тело физически, ни отключать своё сознание химическими веществами. Я буду изучать проблему. Называю себя психологическим трупом и сам же философски препарировать этот труп, в поисках истины.

Моя жизнь началась при социализме. Так уж получилось. Я, считая, понял, почему оказался «лишним» человеком. Я стал результатом неудачного эксперимента природы по созданию справедливого общественного строя на основе социалистических идей, в частности, и в понимании сущности бытия, вообще.

Во время философских изысканий обнаружил, что и у моего любимого писателя Джека Лондона на протяжении всей жизни изменялось мировоззрение, от интуитивного, эмоционального восприятия социализма до полного его отрицания, на основе понимания природы человеческих поступков. Изменилось и представление относительно характера справедливого общества. И в этом нет ничего удивительного, и никто не виноват. Никто же не виноват в том, что долгое время все человечество считало землю плоской. Только с появлением новых научных данных это мнение изменилось. Так и с социалистической идеей - потребовалось пройти почти столетие во времени, принести в жертву миллионы человеческих жизней, чтобы убедиться, что социалистическая идея, насколько же привлекательная, как идея вечного двигателя, настолько же противоречит природным законам.

Начну же свою статью с объяснения, почему обращаюсь к сочинениям Джека Лондона, а не к работам великих философов, писателей или психологов.

Сократ, Платон, Фрейд, Бердяев, Гегель, Ленин, Эйнштейн, Чехов, Плеханов, Толстой, Ницше, Шопенгауэр. Произнося эти имена, хочется встать и вытянуться по стойке «смирно», - какие гиганты мысли, какой кладёз ума, идей и устремлений. Почти физически ощущаю, что где-то там, на сияющих вершинах разума, находится недоступная мне истина.

Но поборов робость, начинаю думать о том, что же сделали все эти недостижимые корифеи. И прихожу к выводу, что в конце концов и лично мне и человечеству в целом наплевать на все искания, метания, и сомнения этих «гигантов». Чего стоят все их идеи, если ни одна из них не смогла остановить ни Первую, ни Вторую мировую войну. Ни один террористический акт, ни постоянную, бессмысленную гибель одних людей от рук других.

Меня приводит в ужас и отчаяние, что уже вскоре после окончания Второй мировой войны, после Нюрнбергского процесса, вновь и вновь появляются разного рода вожди, которые совершают не менее ужасные преступления против человечности, чем фашисты или коммунисты в своих странах. И движут этими «вождями» благие намерения.

Чего стоят все умозаключения, все гениальные философские труды, когда даже в XXI веке в некоторых странах опять собираются строить социализм, а на постсоветском пространстве возрождаются средневековые царьки с передаваемой по наследству властью. История никого ничему не учит.

Так, например, русский философ Бердяев: «Я начинаю писать эту главу в страшные и мучительные дни для европейской истории. Достаточно сказать, что это июнь 1940 года. Целые миры рушатся, и возникают еще неведомые миры. Жизнь людей и народов выброшена во вне, и эта выброшенность во вне определяется, прежде всего, страшной трудностью и стесненностью жизни».

Возможно, кто-то и оценит глубину мысли Бердяева, я же вижу в этих словах признание полной несостоятельности Бердяева как философа. Задолго до Бердяева один человек писал: «Чем больше я читаю, тем глубже понимаю, что человечество постоянно терпело страшные муки, и цивилизация всегда находилась на грани гибели». Уже в наше время Виктор Ерофеев выпускает книгу с претенциозным названием «Русский апокалипсис».

Что бы ни писали различные теоретики, жизнь, ее движение и развитие продолжалось и продолжается своим естественным, еще плохо изученным путем, а обваливается надуманный внутренний мир конкретно господина Бердяева, и апокалипсис наступает не для России, а для Виктора Ерофеева. Не жизнь народов и людей выброшена во вне, а персонально господина Бердяев, Ерофеев, Иванов, Петров, Сидоров оказываются не у дел, банкротами со своими идеями.

Вспомним хотя бы Александра Македонского, Карла Великого, Чингисхана, Наполеона и многих других, с чьими именами связано очередное переустройство мира. Вся история человечества - разрушение одних миров и создание новых. И всегда в водоворотах жизни встречаются люди, оправдывающие свое ничемное существование в изменяющемся мире. Но все волны их витиеватых, наукообразных философских умозаключений разбиваются о скалы реальной жизни. И чаще всего идеи существуют до тех пор, пока живет сам автор. У Лондона, на вопрос: «А что же книги?», герой («Мятежа на «Эльсиноре») отвечает: «А ну их к черту вместе со всеми большими мировой скорбью, глупыми головастиками, которые их написали...» Говорить о таких людях, об их идеях, считаю, не имеет смысла.

В творчестве Лондона для меня на первом месте стоит его философия, и только потом беллетристика. Философия Лондона подана в виде художественных произведений, где в достоверные, реалистичные описания вплетена нить философских рассуждений и выводов. И такая расстановка приоритетов соответствует духу самого Лондона. В «Джоне - Ячменное зерно» он пишет: «Меня привлекали четыре отрасли: музыка, поэзия, статьи по философии, экономическим и политическим вопросам и, наконец (хотя и меньше, чем все остальное), художественная проза».

Я прочитал многие произведения Джека Лондона, изданные в Советском Союзе. У меня сложилось совершенно определенное мнение о творчестве Джека Лондона. Мнение, которое не зависит от официальных догм и политической ситуации в стране. Более того, уже родилась и была спрятана где-то глубоко в душе мечта побывать на Клондайке, пройти Ящичное ущелье, посетить родину Лондона. И только после этого я прочитал, что думают о нем советские литературоведы. Прочитал и оказался в недоумении.

Лондон был довольно известным писателем в Советском Союзе. Его популярность поддерживалась советской пропагандой благодаря тому, что Лондон считался пролетарским писателем Америки. Официальное литературоведение руководствовалось словами М.Горького: «Идет великая пролетарская литература, и Джек Лондон будет чествоваться, потому что он прокладывает путь». И словами Луначарского: «Некоторые его повести и особенно большой роман «Железная пята» должны быть отнесены к первым произведениям подлинной социалистической литературы». Все литературоведы упоминали в своих исследованиях случаи о том, что Надежда Константиновна читала больному Владимиру Ильичу рассказ Лондона «Любовь к жизни». (Для тех, кто уже забыл: Надежда Константиновна - жена основателя Советского государства Владимира Ильича Ленина.)

Советская литературная критика рассматривала творчество любого писателя, в том числе и Лондона, с позиций, которые установила коммунистическая партия. Партия создала своеобразный эталон, и всё литературоведение сводилось к тому, чтобы проанализировать, насколько точно творчество писателя соответствует этому эталону. Авторского мнения, голоса практически не слышно. Слышен лишь чей-то глас, вещающий непрерываемые истины.

И какие бы изыскания в жизни и творчестве Лондона не проводились, какие бы новые факты биографии или документы не обнаруживались, всё сразу рассматривалось как подтверждение марксистских воззрений Лондона, или не рассматривалось вообще.

Крупнейший советский лондонист, Виль Быков, сделал свою карьеру благодаря тому, что постоянно превозносил пролетарский аспект творчества Лондона. «Под это дело» Быкову даже позволили посетить родину Лондона. Думаю, ни для кого не секрет, что совершить поездку в Соединенные Штаты в разгар «холодной войны», в 1959 году, для Быкова стало возможным только для того, чтобы выполнить

установку коммунистической партии - доказать, что Лондон был истинно пролетарским писателем. А "компетентные органы" проверили до седьмого колена всю родословную Быкова, чтобы не допустить даже прецедент "неправильных" мыслей уже на генетическом уровне. Я уже не говорю о том, что все расходы по командировке оплачивало социалистическое государство.

Ницшеанские воззрения Лондона были очень удобной темой для всех советских лондоноведов, чтобы поговорить о его заблуждениях, покритиковать писателя.

Так, об изменении мировоззрения Лондона А.Зверев пишет: "Духовный переворот, пережитый им в конце пути и оплаченный жесткими творческими поражениями, многим современникам Лондона казался необъяснимым. На самом деле ничего загадочного в нем не было. Просто с наглядностью проявилась незрелость того типа революционного мышления, который был присущ и Лондону и большинству других социалистов его времени".

Я не могу согласиться с этими словами. Даже не вижу смысла вступать в полемику. Уже потому, что в свете полного банкротства сегодня социалистической идеи во всем мире очевидно, у кого наблюдается "незрелость...мышления". А манера высказывания Зверевым своего мнения является прекрасной иллюстрацией того, каким тоном не надо говорить сегодня, чтобы не попасть впросак завтра.

"Сердца трех" я прочитал на одном дыхании. Для меня этот роман интереснее, чем весь Джеймс Бонд, Индиана Джонс, и все те кинофильмы и книги, которые относят к категории "action". Это первый роман Лондона А.Зверев мною, и отношусь я к нему с трепетом. Поэтому когда у Ирвинга Стоуна читаю: "Работал он в это время только над кинороманом "Сердца трех" - за эту забавную чепуху "Космополитен" предложил двадцать пять тысяч". Или у А.Зверева: "После смерти Лондона еще несколько лет продолжали появляться торопливо, небрежно написанные книги, и среди них такие, как, например, "Сердца трех". Мне хочется воскликнуть: "Вы что, святее Папы"! Ведь сам Джек Лондон так оценивает свой роман: "До сих пор я, безусловно, не создавал ничего подобного и почти убежден, что и впредь не создам. И я вовсе не намерен скрывать, что горжусь этой работой. А теперь я советовал бы читателю, который любит стремительное развитие действия, перескочить через всё это бахвальство, что содержится в предисловии, и погрузиться с головой в повествование, - пусть он попробует потом сказать мне, что от моей книги легко оторваться".

Насколько марксизм Лондона способствовал его востребованности в Советском Союзе, настолько из-за марксизма Лондон пострадал и у себя же на родине. Об этом я могу судить по словам А. Зверева: "В замалчивании Лондона, продолжавшемся почти полвека, свою роль - и немалую - сыграли не устраивавшие охранительное американское литературоведение социалистические устремления Лондона, те потрясающие картины классовых антагонизмов, которые он создал в "людях бездны", те грозные пророчества, которыми заполнена "Железная пята".

В современной России, когда на первое место вышла борьба за деньги, когда перевернуты все нравственные, моральные, философские принципы, говорить о творчестве Лондона сложно, почти некому, и почти не с кем. Старое лондоноведение, привязанное к марксизму, мягко говоря, не выдерживает критики, а новое... его просто нет.

Я «покопался» в различных сочинениях и рефератах. И у меня сложилось мнение, что все написанное за последние годы - это более или менее удачные пересказы работ Быкова, Зверева, Чармиан Лондон, Ирвинга Стоуна и других авторов, издаваемых еще в Советском Союзе. Как заниматься Лондоном, да собственно, любым другим писателем? Для этого нужно, прежде всего, время и ... деньги. Должен же исследователь существовать на что-то во время творческого поиска. А кто сегодня в России даст деньги на серьезные исследования?

Марксистский эталон изжил себя, тогда что взять за точку отсчета, с какой позиции судить о творчестве Лондона? Сколько людей, столько и мнений. И тогда я решил «привязаться» к собственной жизни. Ведь для любого из нас самое ценное - это собственная жизнь. Я не хочу, не умею и не понимаю, когда о творчестве писателя говорят с позиции педагога, который безапелляционно отчитывает нерадивого ученика. Поэтому в моем повествовании буду говорить о жизни и философии Джека Лондона, сравнивая и проводя параллели между событиями его жизни и моими, повторно переживая и осмысливая мой жизненный опыт. И такой самоанализ позволяет мне не ставить на себе крест, а глубокомысленно оценить прошедшее: "так природа захотела".

Не хочу, чтобы мое мнение, моё видение творчества Лондона распространялось на Россию вообще. Это мнение конкретного человека. И в лучшем случае я могу надеяться на то, что оно окажется созвучным взглядам других людей. По природе своей я индивидуалист. Если имею какие-то мысли, то это мысли мои. Даже если они похожи на мысли других людей. Я могу согласиться с чьим-то мнением, но никогда не позволю себе присвоить право говорить от имени всех читателей или, как это делает Ерофеев, брать на себя смелость и так говорить обо всех русских женщинах: "Молодая русская женщина не имеет философской базы жизни, рынок сбивает её с толку своими соблазнами. Она живет не по средствам. Она живет лучше, чем зарабатывает"

(Виктор Ерофеев. "Русский апокалипсис").

В качестве своеобразного эпиграфа моему дальнейшему повествованию я возьму слова основного принципа коммунизма: "От каждого по способностям, каждому по потребностям". Кому-то они покажутся неуместными, но я считаю, что в них заключены все коллизии марксизма и ницшеанства Джека Лондона.

Сегодня люди уже привыкли и примирились с мыслью, что все они отличаются друг от друга не только физическим строением и возможностями, но и умственными способностями. Но смирились как-то абстрактно, никто не хочет признать себя глупее других, и самую сильную обиду человеку по-прежнему можно нанести сомнением в его умственных способностях.

Я не буду доказывать, что Джек Лондон выделялся интеллектуальными способностями. Сегодня, когда всемирное значение Лондона неоспоримо, просто примем это обстоятельство как данность, как цвет его глаз или размер обуви.

Логика повествования заставляет меня сказать несколько слов о себе.

Я родился в семье советских служащих еще при жизни товарища Сталина, в январе 1953 года. Мой дед и его многочисленные братья и сестры занимались революционной деятельностью, были участниками российских революций начала прошлого века. Родители относятся к поколению людей, которое воспитывалось на страхе перед репрессиями, на постоянной подозрительности и на восторге от грандиозных свершений первых советских пятилеток и в ожидании того счастья, которое обещает коммунистическая партия. Их кумирами были Чкалов, Папанин, строители Днепротреста, борцы за свободу Испании и другие люди и события, вселявшие веру в приближающуюся и неизбежную мировую революцию. Отец окончил школу в 41 году. Для российского читателя эта дата говорит о многом. В этот год началась Великая отечественная война. После войны - существование на грани нищеты, постоянная борьба за выживание, создание семьи, в том числе и меня, надежда на то, что дети будут жить лучше. Отец был коммунистом и верил в светлое будущее, а мама всегда считала его идеалистом.

Из раннего детства запомнилось красное полотнище, которое я видел из окна детского сада, когда меня укладывали на послеобеденный сон. На этом полотнище белыми буквами было написано "Слава КПСС". Слова мне прочитали взрослые, но смысл не объяснили, и я долго терялся в догадках, как это понимать. Дело в том, что слово "Слава" означает не только восторг, здравницу, но и имя человека. Я знаю, что пошел в школу в семь с половиной лет, 1 сентября 1960 года. И с этого дня на протяжении 10 лет - учеба в школе было моим единственным занятием. Разнообразить рассказ об этом периоде жизни могу только тем, что учился в четырех школах, а в летние каникулы отдыхал в пионерских лагерях, после шестого класса совершил туристическую поездку на колесном пароходе в родину Ленина город Ульяновск, а после девятого класса месяц работал помощником каменщика на стройке. Заработал сто тридцать рублей. По тем временам очень неплохие деньги. И еще, с четырнадцати лет, года три, я занимался гребным спортом. Впоследствии это мне сильно пригодилось.

С детства, в стране победившего социализма, мне не приходилось, как Джеку Лондону, испытывать ни муки голода, ни грубость окружающей среды. Мама с папой решали задачу создания материально-технической базы коммунизма, а из меня, как и из всех советских детей, воспитывали "нового человека".

В отличие от Лондона, мое детство прошло в большом городе. Но, как и Лондон, могу сказать: "С ранних лет меня поражало невежество людей". Поражало даже не столько невежество людей, сколько то обстоятельство, что многие люди не хотят получать знания. Нас окружало множество литературы, - научной и художественной. Но насколько я с жадностью набрасывался на все новое, настолько другие проходили мимо тех же книг. Я так же, как и Лондон, любил читать. Особенно историческую, приключенческую и любую познавательную литературу. Книги Жюль Верна, Ивана Ефремова, Дейла Карнеги и других. Стиль этих авторов похож на манеру писать Джека Лондона - подавать научные знания в форме художественных произведений. Не удивительно, что географию я изучал не столько по учебникам, сколько по "Детям капитана Гранта". Научно-популярные журналы были у нас в доме всегда, и мне было достаточно просто прочитать какую-нибудь статью, или учебник старшей сестры, чтобы запомнить даты, цифры, логику изложения. Мой детский ум жадно впитывал в себя естественные знания, а также все "правильные" мысли об устройстве общества, которые внушали взрослые. Уже в детские годы у меня сложилось благоговейное преклонение перед торжеством человеческого разума.

Я хорошо помню ликование, которое охватило всю страну весной 1961 года после полета Гагарина в космос. А когда осенью приняли "Программу построения Коммунизма", мой детский ум скорее усомнился бы в том, что солнце завтра взойдет, чем в том, что коммунистическое общество - это и есть светлое будущее человечества, будущее, построенное благодаря интеллекту человека. Ту легкость, с которой эта идея овладела мной, сегодня я объясняю своими интеллектуальными способностями и ... скромными физическими данными. Я и сегодня верю, что со временем, в результате естественного отбора, у человека будет большая

голова, а руки, ноги и все тело изменятся за ненадобностью до размеров, позволяющих нажимать на кнопки управления различных машин-автоматов, да принимать пищу из тубиков, как это делали первые космонавты.

В том возрасте, когда Жизнь открывала Лондону свои законы, вашему покорному слуге в девятилетнем возрасте та же Жизнь преподнесла первый урок, который дал мне повод усомниться в правильности толкования причин и мотивов отношений между людьми. Отношений, которые называли коммунистическими, и которые вытекали из идей Маркса. Впервые в моё сознание вкралось ощущение какого-то подвоха. И связано это со вступлением в пионеры. Была такая детская организация, которая называлась пионерской, и целью этой организации было продолжение воспитательной работы, начатой еще в октябренском возрасте. Вступление в пионеры - это был обязательный ритуал в деле воспитания "нового человека". Полагалось торжественно обещать бороться за дело коммунистической партии, а на призыв "Пионер, к борьбе за дело коммунистической партии, будь готов!", вскидывать руку над головой и отвечать "Всегда готов!" Мало кто понимал смысл этого ритуала, достойного то ли обычаев диких племен, то ли лаборатории по зомбированию человека, но говорили, что так надо, а надо быть таким как все. Когда весь класс под диктовку писал заявление на вступление в пионеры, я отказался. Мотив был прост - я считал себя недостойным быть пионером. Ведь нам говорили, что в пионеры принимают лучших из лучших. Никто не заинтересовался моим внутренним миром, моей самооценкой, но шума вокруг этого неординарного поступка было много. Сегодня понимаю состояние моих родителей в то время. Хорошо, что в стране наступила "оттепель", и до обвинений в антисоветизме не дошло. Меня пожурили, меня напугали, меня перевоспитали, и я сдался. Но, в отличие от других, носил пионерский галстук до вступления в следующий возрастной период коммунистического воспитания - комсомол. Тонкость тут такая. Это в десять лет детям еще интересно носить галстуки, чувствовать себя сопричастным к чему-то большому и светлому. А уже лет в 12-13, когда девочки начинают заглядываться на ребят, а ребятам хочется выглядеть взрослыми, пионерский галстук воспринимается уже как атрибут детства, подобно соске грудного младенца. Теперь признаками взрослости становились сигареты и спиртные напитки. И вот преданные борцы за дело коммунистической партии старались прятать галстуки сразу же за порогом школы. Для меня же галстук был свидетельством приверженности коммунистической идее, и я продолжал каждое утро повязывать его на шею. Я не понимал того, как это можно было давать торжественное обещание носить галстук, и не выполнять его. Объяснял себе это тем, что мои товарищи еще недостаточно сознательные.

А ещё в школьный период, особенно вначале, я верил в возможность перевоспитания человека. "Вот если бы все были такими". Это было чисто детское представление. У меня еще не было ни жизненного опыта, ни научных знаний. А воспитатели говорили, что все люди одинаковые, надо только правильно воспитать их, и на земле наступит рай. А я верил. И удивлялся, почему это в младших классах снова и снова появляются двоечники и хулиганы. В свою очередь, меня мучила совесть оттого, что я недостаточно сознательный, что получаю иногда тройки из-за своего нежелания что-то учить, и боялся, что из-за этого меня не возьмут в Коммунизм. Казалось бы, все знают причину отрицательных явлений при социализме - это пережитки капитализма и неправильное воспитание. Об этом даже знает и сам "несознательный" человек. Знает, но продолжает, например, пить или курить.

В восьмом классе, а это где-то 15-16 лет, была интересная дисциплина - обществоведение. Преподаватель - женщина с таким "правильным" пониманием жизни - говорила нам, школьникам, о том, что надо искоренять в себе всякие "плохие" качества: стяжательство, подхалимство, лицемерие, обман и другие. Что при коммунизме все люди будут «правильными» и будут жить счастливо. И в то же время я сам видел, как пионерские, комсомольские, профсоюзные "вожаки", которые по определению должны быть лучшими из нас, только за счет лжи, лицемерия и обмана поднимались по жизненной лестнице вверх. Нам говорили, что карьеризм, стремление выделиться из других - плохо, а жизнь показывала, что это неизбежно и, собственно, составляет жизнь. Мои попытки выяснить природу явления у преподавателя вызвали у него вспышки гнева и негодования. Он утверждал, что я ничего не понимаю, много на себя беру и т.д. Одноклассники просто посмеивались, и шли слушать растлевающую западную музыку, и пить вредное для здоровья вино. Я постоянно ощущал себя в положении человека, который участвует в своеобразном розыгрыше. Все знают какие-то правила игры, но помалкивают и посмеиваются над тобой.

Я был искренне убежден, что твист - это тлетворное влияние Запада, "Битлз" - буржуазная культура, Высоцкий - плохой. В отличие от Лондона, который мог выбирать пути подъёма "наверх" по своим способностям, у моего поколения не было выбора. Само понятие "карьера", было чем-то предосудительным. Всё уже было написано заранее: детский сад, школа, институт, армия, работа на благо государства. Считалось, что всё уже хорошо и надо быть достойным и благодарным за то, что тебе дает государство. Самых достойных "заметят" и поднимут наверх, наградят, и

поставят в пример.

В 17 лет я окончил школу. В характеристике, которая прилагалась к каждому выпускнику, были и такие строчки: "всегда был примером для всех своим умением и отношением к физическому труду".

Да, я любил и умел работать руками, но и голова неплохо работала. У меня были неплохие успехи в точных науках, я всё понимал. Но это было не моё. Я хотел быть писателем, путешественником. Но строительство коммунизма требовало технических специалистов, и я пошел поступать в авиационный институт.

Поступал без желания. Вспоминаю: ходил по парку недалеко от института и самобичевал себя за своё слабование. А мой внутренний голос говорил "не хочу, не моё это". С таким настроением я, естественно, в институт не поступил.

Ну а потом жизнь пошла по предначертанному пути. Работал автослесарем в таксопарке, служил в армии. После армии, к своему удивлению, легко поступил в технический институт. Еще больше удивился, когда по результатам первого семестра оказался отличником. Так и окончил институт на отлично. Начертательную геометрию считал самым лёгким предметом (да, в ней есть логика), но самые блестящие успехи у меня были по таким несуществующим сегодня дисциплинам, как "История КПСС", «Политэкономия», «Научный коммунизм». Один из преподавателей даже удивился, почему я пошел в технический вуз, а не в гуманитарный. А другой, сам выпускник Киевского университета, назвал меня "еще одним талантливым инженером-металлургом", намекая на то, что Л.И. Брежнев тоже имел эту специальность. Но из-за моих глубоких знаний марксистско-ленинской теории моё имя не попало на доску лучших выпускников института. Я как-то поделился с преподавателями своими сомнениями относительно правоты марксизма, и самые прозорливые идеологи института решили не рисковать, не называть меня лучшим.

Действительность постоянно ставила меня "на место", и к 27 годам я обнаружил, что потерял интерес к жизни. Объясняю себе это так. Десять лет учился в школе, учился неплохо, и твердо усвоил нравственные установки о том, что сейчас мы живем еще не очень хорошо, но строим светлое будущее, в котором все будут счастливы. После окончания школы я был человеком, все качества которого начинались на «не»: не курил, не пил, не сквернословил, не целовался, не хулиганил, не воровал, не проявлял инициативы, не мечтал, и пр., пр. Этакий «пай-мальчик» (Отсутывая на компьютере эти строки, вспоминаю слова Джека Лондона, из «Джона – Ячменное зерно»:

«И все-таки скажу по опыту зрелых лет: избави меня, Бог, от того большинства обыкновенных людей, которых нельзя назвать хорошими, ибо от них веет холодом, которые не курят, не пьют, не употребляют бранных слов, но зато ничего не осудят, никогда не совершат смелого поступка. Это все малодушные людишки, глушащие в себе зов жизни, не осмеливающиеся рвать паутину быта. Вы их не встретите в кабаке, но не увидите и на баррикадах. Их не влекут неведомые дали, они не способны самозабвенно полюбить. У них свои заботы: не промочить ноги, не утомить сердце, не упустить возможности добиться маленького обывательского успеха при своих незначительных талантах»).

Из меня сделали тот самый винтик для механизма так называемой социалистической системы. И, возможно, я и прожил бы таким «винтиком» в социалистической системе, если бы она была жизнеспособна. Последующие десять лет вводили "поправки" в школьные истины. Судьба предоставляла мне возможность сделать карьеру и на комсомольской работе, и на производственной деятельности, и на профсоюзном поприще. Порой я делал шаг, другой и «сходил с дистанции». Но мне всегда не хватало того, чему не учили ни в школе, ни в институте: желания денег, лицемерия, предательства, умения пить, курить, волочиться за юбками. Меня обманула система. Многие из россиян еще помнят выступления Аркадия Райкина. Сатирический киножурнал «Фитиль», идейно выдержанные кинофильмы, спектакли, лозунги и прочее, прочее. В школах и сейчас знакомятся с баснями Крылова. Ну и что менялось? Конкретно человек по имени Аркадий Райкин обеспечил лично для себя какое-то материальное достаток и положение в обществе. Крылов стал знаменитым, пересказывая басни Эзопа, которым уже не одно тысячелетие. Но все «отрицательные» качества людей продолжают править миром. Люди по «большому благу доставали» билеты на того же Райкина, слушали и восхищались как он бичевал стяжательство, лицемерие и другие «плохие» качества и ... продолжали лицемерить, давать и брать взятки. Зачем тогда вся эта пустая болтовня? Зачем этот обман? Если бы меня учили, или по крайней мере не говорили, что делать этого нельзя: лицемерить, обманывать, мошенничать и пр. пр., то я бы со своим интеллектом добился очень больших высот в социалистической системе. В свое «оправдание» скажу, что я не был обыкновенным человеком. Меня как раз влекли неведомые дали и самозабвенная любовь. В конце концов, из меня получился человек, который не знает, как и зачем жить. Жить так, как учили в школе - не позволяет сама жизнь, а жить так, как заставляет все та же жизнь - мешают хорошо выученные школьные уроки.

Я постоянно ощущал какую-то ущербность, как

прокаженный, которого изолируют от нормальных людей, как "идиот" Достоевского, который постоянно был неуместен со своим представлением о жизни, своей правдой. Поступал, так как учили, а на меня смотрели как на чудака, который не знает общепринятых правил. Жил в каком-то своем тайном мире. Пробовал иногда поверять свои мысли немногим друзьям, но меня не понимали. В лучшем случае советовали быть проще.

И тогда началась бешеная погоня за знаниями. Я поступил в аспирантуру по технической специальности, но все время отдавал изучению гуманитарных наук.

Изучая марксизм-ленинизм, психологию, понял, почему оказался в кризисе. Дело в том, что я, с одной стороны, старался подавить в себе все "человеческие слабости", чтобы, работая не покладая рук, обеспечить счастливую жизнь всем, в том числе самому себе. Но с другой стороны, оказалось, что понятие "счастливая жизнь" включает в себя то, что называют "человеческими слабостями", и от чего я отказался: получение удовольствия от обильной вкусной пищи и вина, от комфортного жилья, от успехов в карьере, общения с женщинами, от получения любых удовольствий. Живя в условиях реального социализма, я возненавидел его, я видеть его не мог. И я убежал от действительности в теорию. Я поднялся к вершинам разума, нашел кладёз человеческой мысли. Потрясенный я стал размышлять. То, что я понял, привело меня в восторг. И наш "развитой социализм" предстал предо мной в своей обнаженной простоте. Я понял, что социализм невозможен по определению.

Я чувствовал отвращение к этой жизни, отвращение и отчаяние от безысходности. И ничего не мог поделать. Воспитание и нищета не позволяли ни вырваться из социалистической системы, ни найти забвение в вине или наркотиках.

И вот я, человек, рожденный при социализме, в благополучной семье, не обремененный пережитками прошлого, воспитанный советской системой, превратился в убежденного противника марксизма.

Я собрал свои мысли в труд, который назвал "Еще раз о происхождении семьи, частной собственности и государства". (Ответ на "Происхождение семьи, частной собственности и государства", Ф. Энгельса) Собрал и похоронил в недрах своего разума и портфеле, который остался у меня еще с институтских времен. Это случилось в 1981 году. Пытаться обнародовать свои мысли в то время, за десять лет до падения берлинской стены, не позволял инстинкт самосохранения.

С тех пор прошло уже более четверти века. Многие из того к чему я пришел теоретически, получило свое практическое подтверждение. Социализм как экономическая формация показал свою полную несостоятельность. «Новая историческую общность людей – советский народ», которой рукоплескала вся страна, обернулись кровавыми этническими столкновениями начала «перестройки». А «Союз нерушимый...» развалился от ветра перемен. Чудес не бывает. Нельзя бесконечно обманывать самих себя.

Я бы не хотел отпугнуть читателя перспективой знакомства еще с одной теорией, объясняющей устройство мира. Но людям, которые ценят творчество Джека Лондона, хочу показать фрагменты его произведений, созвучные моим выводам.

В результате исследований я пришел к выводу, что главная причина всех коллизий марксизма и нищезанства связаны со способностями человека. А основная причина смены общественных формаций - противоречие между тем положением в обществе, которое человек занимает по происхождению и тем положением, которое он может занимать по своим способностям. Способ производства и распределения материальных благ, на который делает ударение Маркс, всего лишь способ устранения этого противоречия.

Суть «Американской мечты» - подняться из низов наверх. (Собственно, почему «американской»? Просто осуществление мечты стало возможным в Америке). Подняться благодаря применению своих природных способностей. Лондон поднялся благодаря литературным способностям, Форд - техническим, Линкольн - организационным.

У всех людей разные умственные способности. Осознание человеком того факта, что его способности отличаются от способностей другого человека, воздействует на психику человека сильнее, чем осознание собственной смертности. Объясняется это тем, что перед смертью все люди равны, а вот жить приходится с тем, что дала нам природа.

И вот подтверждение этих мыслей, порой их развитие, я постоянно нахожу у Джека Лондона. В произведениях Лондона много биографических мест. И поэтому мы можем достоверно проследить эволюцию взглядов Лондона на жизнь.

Читатель, надеюсь, знаком с подробностями биографии Лондона, я не буду повторяться, но скажу о главном, по моему пониманию. Интеллектуальные способности Лондона превосходили средний уровень. В детстве он этого просто еще не мог осознавать, но чувствовал, что что-то не так.

Миллионы мальчишек начинали жизнь так же, как и Джек Лондон. Но не многие из них обладали способностями, которые позволили им осознать своё положение, почувствовать, что оно не соответствует их предназначению, и пытаться изменить его.

Лондон пишет: «Я родился в рабочей семье. Меня окружали грубость, темнота и невежество. Место мое в обществе было на самом дне. Надо мной высилось громадное здание общества, и мне казалось, что выход для меня - это подняться вверх».

Лондон напрямую не говорит, и, пожалуй, еще сам не осознает то, что обладает исключительными способностями. Это как человек наделенный способностью, например, стихосложения. Рифма сама слетает с его уст, и он не представляет, что может быть иначе, и кто-то никогда в жизни не сможет сделать то, что получается у него без усилий. Но уже в «Martin Eden», повестуе о себе в третьем лице, (напомню: «Но Мартин Иден - это я!») он неоднократно повторяет, что Мартин наделен исключительными способностями:

«В этом мускулистом теле жила обостренная чувствительность. Под малейшим воздействием внешнего мира его чувства и мысли вспыхивали и играли как пламя. Он был необычайно восприимчив и впечатлителен, а его пылкое воображение всё время работало, устанавливая связь между вещами, их сходство и различие».

«Он видел огромную разницу между собой и своими товарищами, но не мог понять, что разница эта лежит не столько в достигнутом, сколько в возможном. То, что он делал, могли делать и они, но какое-то внутреннее чувство говорило ему, что он способен на большее».

Уже в юношеском возрасте он чувствует в себе силы и видит путь своего подъёма наверх:

«С тех пор меня безжалостно эксплуатировали другие капиталисты. Но меня это не возмущало. Я считал, что таковы правила игры. Они - это сила. Отлично, Я тоже не из слабых. Я пробьюсь в их ряды и буду сам выжимать деньги из чужих мускулов. Я не боялся работы, я любил тяжелый труд. Я напрягу все силы, буду работать еще упорнее и в конце концов стану столпом общества».

В этих словах идеология Лондона-юноши. Он еще не знает ни Маркса, ни Спенсера, ни Ницше, ни Дарвина. Он просто живет так, как предписывает природный инстинкт. Как вылупившиеся в песке пляжа черепашки сразу смело направляются к воде и плывут, даже не задумываясь - а умеют они плавать или нет.

Хочу остановиться на этом месте подробнее, потому, что это важно для понимания сути многих жизненных явлений. Посмотрим, что пишет А. Зверев: « Так, десятилетиями держалась легенда о страстном нищезанстве Лондона, со ссылкой на «аргументы» в его книгах, начиная с первого романа «Дочь снегов» (1902). Давно отвергнутая в советском литературоведении, эта легенда еще до недавней поры принималась на родине писателя за истину даже некоторыми из сочувствующих Лондону исследователей. Р. Балтроп с фактами в руках доказал, что о Ницше Лондону было известно лишь понаслышке, когда он работал и над этим романом, и над другими произведениями».

Можно согласиться со словами Зверева о том, что Лондону действительно не был известен человек по имени Ницше, но нельзя согласиться с тем, что идеи, которые впоследствии стали именовать нищезанством, не могли не возникнуть в сознании у Лондона под воздействием реальных условий жизни. Мальчишки, играющие в догонялки, не знают имени ни одного философа, ни суть их идей, но, прибегая плотной кучей к финишу, начинают выяснять, кто же из них первый, и каждый кричит: «Я самый первый!». Мальчишки и представления не имеют о немецком философе Ницше, но желание любого из них стать самым первым, быть сильнее и главнее других как нельзя лучше можно описать с позиции Ницше, а не Маркса.

И нет ничего удивительного, что одинаковые идеи могут возникнуть в головах разных людей.

У Лондона находим подтверждение этой мысли:

«- Вы, очевидно, изучали биологию! - воскликнул он наконец. К его удивлению, Бриссенден отрицательно покачал головой. Но ведь вы высказываете положения, к которым немисливо прийти без знания биологии, продолжил Мартин, заметив удивленный взгляд Бриссендена. - Ваши выводы совпадают со всем ходом рассуждений великих ученых. Не может быть, чтобы вы не читали их трудов».

И ещё несколько слов о нищезанстве Лондона.

Ирвинг Стоун пишет:

«Джек будет исповедовать социализм и нищезанство одновременно, если даже они взаимно исключают друг друга. Всю жизнь он оставался индивидуалистом и социалистом; индивидуализм был нужен ему для себя - он ведь сверхчеловек, белокурая бестия, победитель, а социализм - для тех, кто слаб и нуждается в защите, для масс. Не один год ухитрялся Джек проскакать на этих двух философских рысках, хотя они тянули в разные стороны».

А почему, собственно, взаимно исключают друг друга. Я утверждаю, что марксизм и нищезанство - две стороны одной медали. Идея «всадника на коне» - не выдумка воспаленного воображения. Вся наша жизнь может быть уложена в рамки идей Ницше. Начиная еще до нашего рождения. С того момента, когда миллионы сперматозоидов устремились к яйцеклетке. И только один, самый первый, если хотите, сверхсперматозоид, достигнувший цели, дал начало вашей жизни, дорогой читатель. И всё наше дальнейшее существование построено на этом принципе - стать первым, стать лучшим, стать «сверх». А конкретная реализация инстинкта первенства зависит уже от интеллектуальных возможностей каждого конкретного

человека. Для одних – это выражается в примитивном хамстве водителя автомобиля, проезжающего на красный свет, другим – докторская диссертация...

Посмотрим на марксистов. Они проповедают идеи коллективизма, всеобщего равенства, братства. Проповедают один убедительнее другого. Настолько самозабвенно и убежденно, что начинают расталкивать друг друга локтями, пока кто-то не заберется на коня, или, как в случае с Владимиром Ильичем, на броневик. Заберется и поведет за собой массы, народ. Постойте, скажете вы, так ведь это же и есть ницше-анский «сверхчеловек», «всадник на коне». Даже о теоретических противниках Ницше можно сказать, что своими победами они подтверждают торжество идей Ницше. Например, какой-то философ в гух и прах разгромил идеи Ницше, разгромил лучше, убедительнее всех. Выпустил книгу, овладел умами миллионов людей. Указал истинный путь развития общества, возглавил и повел за собой народ. Но это хорошо узнаваемый ницшеанский «всадник на коне», сверхчеловек. Мое первое знакомство с Ницше произошло в институте при изучении общественных наук. Тогда нам подавали Ницше как реакционного философа. Преподаватели подчеркивали, что в ницшеанстве следует искать корни фашистских идей. При этом с произведениями Ницше невозможно было познакомиться. Сегодня же я нахожу многие положения ницшеанства интересными. Единственное с чем не могу согласиться, так это с «белокурой бестией». Но это объясняется очень просто, - во времена Ницше европейская раса преуспевала. В Германии был расцвет экономики, культуры, науки. Сам Ницше был европейцем. И в этой эйфории он приписал выдающиеся качества именно европейской расе. История последнего столетия прекрасно показывает, что брать на себя роль «всадника на коне» могут люди с любым цветом кожи.

Мотивация поступков человека лежит в природе человека, любого живого существа. Та же природа дала всем, тем, кто не сумел сегодня «вскочить» на коня, марксистскую теорию коллективизма, равенства и справедливости. Теорию лукавую, которая позволяет самому равному среди равных в любой момент, подобно оборотню, превратиться из раба в хозяина, вождя, сверхчеловека.

Марксизм и ницшеанство одновременно сидят в каждом человеке. Как мистер Хайд и доктор Джекилл. Они не могут появляться одновременно, а действуют в зависимости от обстоятельств.

Так, когда Лондон работал в прачечной, - он не мог не быть марксистом. Его способности, и, прежде всего, интеллектуальные, были во много раз выше возможностей хозяйки прачечной. Но быть владельцем прачечной для её хозяйки - физиологический предел. Для Лондона - это всего лишь эпизод, ступень вверх. Но в конкретной ситуации он находится ниже хозяйки. В этих условиях, конечно, для Лондона это не справедливо, но это данность, которая порождает мысли о неравенстве, об изменении условий существования у конкретного человека Джека Лондона.

Но тот же Лондон на Юконских порогах - уже совсем другой человек. Он преодолевает пороги, - делает то, чего не могут те, кто с завистью смотрят на него со скал. Он на гребне волны, он на гребне успеха, он полубог, он сверхчеловек, попирающий стихию. Но через несколько минут он уже снова в роли слуги господ-инженеров. И нет ничего удивительного в том, что у Лондона появляются одновременно произведения марксистского и ницшеанского толка.

Я разделяю мировоззрение Лондона на до и после путешествия на «Снарке». До «Снарка» - это восходящая ветвь, формирование взглядов, жизнь, переполненная событиями. Лондон еще только доказывает свое право называться писателем, учится у жизни. Он находится еще ниже уровня своих способностей. На том этапе противоречия, которое я назвал «...положением в обществе, которое человек занимает в обществе по происхождению...»

Находясь под давлением, прежде всего экономических обстоятельств, Лондон понимает несправедливость ситуации и с юношеским максимализмом примыкает к марксистам. Его социалистические статьи, роман «Железная пята» - вещи во многом эмоциональные. «И тогда началась бешеная погоня за знаниями. Готовясь к тому, чтобы стать торговцем мозгом, я невольно углубился в область социологии. И тут, в книгах определенного толка, я нашел научное обоснование тех простых социологических идей, до которых додумался самостоятельно. Другие и более сильные умы еще до моего появления на свет установили все то, о чем и я думал, и еще многое такое, что мне и не снилось. Я понял, что я социалист.

Социалисты - это революционеры, стремящиеся разрушить современное общество, чтобы на его развалинах построить общество будущего. Я тоже был социалистом и революционером», - пишет он в статье «Что значит для меня жизнь».

И вот после десяти лет постоянной борьбы, учебы, роста, Лондон становится признанным писателем, может позволить себе построить яхту по собственному проекту и осуществить мечту - уйти в длительное кругосветное путешествие. На яхте он сам себе хозяин и бог для остальных членов экипажа. Рядом любимая женщина. И никакой связи с внешним миром. Сто лет назад не было еще ни радио, ни сотовых телефонов с космической связью. Лондон действительно оторвался от цивилизации, от её бесконечной суеты и, может быть, впервые получил возможность спокойно проанализировать свою жизнь,

оценить мотивы своих поступков. Он пишет автобиографический роман «Мартин Иден».

Для меня «Мартин Иден» замечателен тем, что в нем я впервые встретил слова, подтверждающие мои сомнения относительно правоты Маркса. Когда я штудировал марксизм, меня постоянно преследовало ощущение, что классики что-то не договаривают, что-то очень важное опускают. Марксизм оперирует такими понятиями как «классы», «народ», «пролетариат», а я все время ждал, когда же заговорят об отдельном человеке с его желаниями и возможностями. Жизнь же показала, что все благие устремления марксизма применительно к интересам конкретного человека приобретают противоположную окраску. И вот, исследуя это явление, я пришел к выводу, что ошибка марксизма состоит в том, что теория игнорирует биологический фактор, животную сущность человека. У Лондона нахожу:

«Я скажу вам, в чем вы заблуждаетесь или, вернее, в чем слабость ваших суждений, - сказал он. - Вы пренебрегаете биологией. Она отсутствует в вашем мирозерцании. То есть я разумею подлинную научную биологию как средство познания жизни, начиная с лабораторных опытов по оживлению неорганической ткани и кончая самыми широкими социологическими и эстетическими обобщениями. Разве во вселенной существует что-нибудь, не подчиняющееся всемирному закону эволюции? Я знаю, что история эволюции отдельных искусств разработана, но мне кажется, что она разработана чисто механически. Человек остается при этом в стороне. Великолепно разработана эволюция инструментов - арфы, скрипки, эволюция музыки, танца, песни. Но что можно сказать об эволюции самого человека, о тех органах, которые развивались в нем, прежде чем он смастерил первый инструмент или пропел первую песню? Вот об этом-то вы забываете, а это именно я и называю биологией. Это биология в самом широком смысле слова». И ещё:

«Вы упомянули о человеческой ограниченности, мешающей человеку охватить все стороны проблемы - все факторы. Вот вы как раз - по крайней мере мне так кажется - упускаете биологический фактор, то есть именно то, на чем строится в конечном счете всякое искусство, - основу основ всех человеческих дел и свершений».

А затем Лондон делает заключение из своей теории, которое потрясло меня на некоторое время:

«Итак, - резюмировал он свою речь, - не может существовать государство, состоящее только из рабов! Основной закон эволюции действует и здесь! В борьбе за существование, как я уже показал, выживает сильный и потомство сильного, а слабый и его потомство осуждены на гибель. И в результате этого процесса сила сильных увеличивается с каждым поколением. Вот что такое эволюция! Но вы, рабы, - сознавать себя рабом неприятно, согласен, - вы, рабы, мечтаете об обществе, не подчиняющемся великому закону эволюции. Вы хотите, чтобы хилые и неприспособленные не погибали. Вы хотите, чтобы слабые ели так же, как и сильные, и столько, сколько им захочется. Вы хотите, чтобы слабые наравне с сильными вступали в брак и производили потомство. Каков же будет результат всего этого? Сила и жизнеспособность человечества не будет возрастать с каждым поколением. Напротив. Она будет уменьшаться. Я исхожу из биологических законов, а не sentimentalной морали».

Но чем больше я вчитывался в эти строки, тем сильнее крепло во мне сомнение. И, наконец, пришел к выводу, что Лондон, приверженец биологии в самом широком смысле, допускает принципиальную ошибку. Он забывает о существовании в биологии изменчивости и мутаций. Суть их в том, что у одинаковых родителей не обязательно рождаются такие же дети. В том-то и мудрость природы, что, например, у сильных не всегда рождаются такие же сильные дети. Известно, например, что у гения русской поэзии Пушкина были многочисленные потомки. Они обладали всевозможными достоинствами, но никто не стал поэтом! В «Мартине Идене» Лондон лишь открывает, что способности незаурядного человека позволяют ему подняться над окружающим обществом и показывает, что такому человеку невозможно продолжать существование в этом обществе. Лондон не находит выхода из сложившейся ситуации. Мартин терзает друга, разочаровывается в любимой девушке, не находит в себе силы для поиска решений, и единственный для него выход - покончить жизнь самоубийством: «Я болен, очень болен, - сказал Мартин, безнадежно махнув рукой. - Я даже не подозревал до сих пор, что так сильно болен. Что-то во мне иссякло. Я никогда не боялся жизни, но никогда не мог себе представить, что потеряю вкус к ней. А теперь я оказался пресыщен жизнью. Во мне не осталось никаких желаний. Я даже вас не хочу! Видите, как я болен!»

Главное для меня в «Мартине Идене» - я нашел подтверждение мысли о том, что люди отличаются друг от друга, прежде всего, различными интеллектуальными способностями. И чем ярче эти способности, тем труднее человеку жить в окружающем мире. Вот еще две цитаты из «Мартина Идена», подтверждающие мои слова:

«А я индивидуалист. Я верю, что в беге побеждает быстрейший, а в борьбе сильнейший. Эту истину я почерпнул из биологии, или, по крайней мере, мне кажется, что я ее почерпнул оттуда. Повторяю, что я индивидуалист, а индивидуалисты - вечные, исконные враги социалистов». «Так на пути своего развития Мартин столкнулся лицом к

лицу с моралью, основанной на экономике, - классовой моралью; и вскоре она сделалась для него настоящим пугалом. Его собственная мораль опиралась на интеллект, и моральный кодекс окружающих его людей раздражал его даже больше, чем их напыщенная пошлость; это была какая-то удивительная смесь экономики, метафизики, сентиментальности и подражательности».

«Чем больше Мартин раздумывал над всем этим, тем сильнее крепло в нем убеждение, что вся разница между этими адвокатами, офицерами, дельцами, банкирами, с одной стороны, и людьми рабочего сословия, с другой, основана на том, что они по-разному едят, живут и одеваются. Всем им одинаково не хватало того самого главного, что он находил в книгах и чувствовал в себе. Морзы показали Мартину сливки своего круга, и он не пришел от них в восхищение. Нищий раб ростовщика, он все же был головою выше всех тех, кого встречал в гостиниой у Морзов. Выкупив из заклада свой единственный костюм, Мартин являлся к людям и в их обществе неизменно испытывал чувство оскорбленного достоинства, точно принц, принужденный жить среди пастухов».

Но вернемся к моей жизни. Я ушел из аспирантуры. Собрал свои дневниковые записи, в том числе еще с институтской поры, фотографии, вырезки из газет, цитаты из книг, рукописный экземпляр «Еще раз...» в портфель, назвал это личным архивом, и уехал из Краматорска. Не первый раз я начинал новую жизнь.

Коммунарск - здесь пять лет учился в институте, и здесь впервые попробовал себя как... театральным критиком! В Коммунарске я еще полон надежд и иллюзий. Вся жизнь еще впереди...

Краснодар - здесь я участвовал в производстве материальных ценностей, и здесь впервые услышал от профессионального редактора, что у меня хорошо получаются репортажи. В Краснодаре я утвердился в мысли, что что-то не так происходит в нашей стране. Меня, человека окончившего институт с красным дипломом, свободно оперирующего тройными интегралами и понятиями теории упругости, посадили писать технологические процессы. Мой первый оклад - 115 рублей. Для сравнения, в цехе кузнечы, люди с начальным образованием, получали 400 за работу, которая так же, как и технологические процессы, не менялась последние 50 лет. Из технологов я перешел мастером в цех, и узнал, как получают эти 400 рублей. Оказалось, что только 100 рублей эквивалентны какому-то труду (вспоминайте Маркса), а остальное - приписки! И таким было всё социалистическое производство. Я не мог жить в таких условиях. Для меня это был тупик. Я ещё надеялся, что есть другая жизнь. И мне захотелось найти её. Решил начать с науки, ведь я отлично учился, и меня рекомендовали для поступления в аспирантуру. Для меня Краснодар стал началом пути, подобно тому, как Оклэнд стал началом пути Билла и Саксона из «Лунной долины». «Оклэнд - это такое место, откуда надо отправляться в странствия, - говорил он. - Это только начало пути».

В Краматорске, пожалуй, я впервые занимался делом, которым хотел. Я упрекал себя за то, что не читаю книги по технике, но не мог оторваться от «Происхождения семьи...» Энгельса или «Фонаря Диогена» Добровича. Рука сама тянулась к ручке и бумаге. Я конспектировал, делал заметки на полях, возвращался к прочитанному и не замечал, как бежит время. Это было Творчество, Поиск, Высшее наслаждение. Я мог, я хотел заниматься этим бесконечно. Меня завораживала логика философских рассуждений. Любой разрыв логической цепи заставлял меня возвращаться к истокам, находить потерянную нить и отслеживать её дальнейший движение. Я сделал для себя маленькое открытие: при изучении в школе точных наук начинают с простых доступных и однозначных для всех понятий. Например, таблица умножения. Она одинакова для всех людей в любой точке земного шара. Или, второй закон Ньютона - сила равна произведению массы на ускорение. Масса - величина постоянная, а ускорение - изменение скорости. Этих понятий было достаточно, чтобы объяснить окружающий мир. В институте ускорение превратилось не просто в изменение скорости, а в производную скорости по времени. Дальше - больше. И школьная формулировка второго закона Ньютона «разворачивается» в классическую механику. Но есть и обратный путь - сложные формулы механики можно «свернуть» в простые школьные формы.

При изучении же гуманитарных наук начинают с понятий, которые нельзя трактовать однозначно. Что значит «хорошо» или «плохо», а «справедливость», «равенство», «честность»? Лондон пишет:

«Сам не знаю, - сознался Билл. - Начнешь думать - и голова идет кругом. А вместе с тем ведь ясно, как дважды два: найти честных людей - и все пойдет как следует. Честные люди создадут честные законы, и тогда каждый честный человек получит то, что ему причитается».

Но кто будет искать честных? Не честные? Вопросов слишком много. Действительно, голова пойдет кругом. Изменить мышление невозможно. Никогда человек не «прозреет», не «поумнеет». Это только «ясно, как дважды два»: взять и переделать человека. На самом же деле биология, на которую ссылался Лондон, не допускает такого переворота. В живой природе никогда хищный тигр не станет травоядной овечкой.

Так вот, для себя я открыл, что всевозможные философские теории с их замысловатыми выкладками, в конечном счете, можно «свернуть» в инстинкт первенства и природные

способности человека. Но эти простые и естественные понятия никто не хочет применить к человеку. К животным - пожалуйста. Но к человеку!

Кроме общественных наук, в Краматорске я увлекся водным туризмом - вот когда пригодилось моё спортивное прошлое. Я легко влился в коллектив и уже к осени был известным человеком в туристической среде. Пожалуй, только здесь у меня появились настоящие друзья. Обьехал всю страну, приобщился к бардовскому движению. Вживую слушал Визбора! Туризм же помог мне лучше узнать, понять и почувствовать творчество Лондона. Для меня прохождение порогов Смоком Белью - это целая история. В книге - несколько строк, для меня - лавина эмоций, воспоминаний такая же сильная и неумолимая как поток бушующей воды. А преодоление Чилкутского перевала - я знаю, что такое тошнота от усталости, от физического напряжения. Как-то, вернувшись из похода, я взвалил на себя весь багаж, состоящий из туристического снаряжения, и пошел домой пешком. Дома взвесил. 52 кг! А ведь в походе приходилось переносить по бездорожью не меньше. И это при моём собственном весе 68 кг! Ей богу, я бы не уступил ни Лондону, ни индейцам, переносящим грузы на Чилкуте. В городской газете появились мои публикации на туристическую тему. Мне было интересно, и я хотел писать о походах. Там же в Краматорске появилась мечта пройти по Юкону. Мечта безнадежная. Мы жили за "железным занавесом". Меня бы просто не поняли. А не дай бог узнали бы о моём мировоззрении - даже страшно подумать.

За свою сознательную жизнь я жил в пяти городах в разных уголках России, в среднем в одном месте работал два года. Страшивал себя, почему так происходит. Каждый раз, с энтузиазмом и большими надеждами, начинал новую жизнь. Я рассчитывал задержаться надолго, сделать что-то большое, важное, но каждый раз находились серьезные причины, чтобы бросить всё и начать сначала. Снова и снова, на подсознательном уровне, я чувствовал, что занимаюсь не своим делом. Часто на новом месте за год, два я достигал в карьере таких успехов, за которые другие борются многие годы, я же без напряжения достигал чего-то и без сожаления оставлял всё. Через год после института, начав рядовым технологом, я уже был начальником бюро. Через полтора года на другом месте получил квартиру (в советские времена люди порой всю жизнь ждали, когда государство даст квартиру). Но меня не устраивала такая жизнь. Я всё бросал. Подобно Биллу и Саксон из "Лунной долины" Джека Лондона я переезжал с места на место в поисках своей земли обетованной.

"Лунную долину" считаю этапным произведением Лондона. Роман появился после путешествия на "Снарке". Этот период я называю ростом мировоззрения Лондона в глубину. Ему не надо доказывать, что он востребованный писатель, его интересует правда жизни. С ним любимая женщина. Лондон на месте, "которое он должен занимать по способностям".

Главные действующие лица романа "Лунная долина" Билл и Саксон, как это часто бывает у Лондона, люди простого происхождения, но наделенные природой физическим и интеллектуальным совершенством. Первая половина романа насыщена размышлениями Лондона о сущности жизни: об отношениях между мужчиной и женщиной, о красоте человека, о радостях человеческого бытия. Считаю, что Лондон искусно драматизирует ситуацию и делает это чтобы еще раз поговорить о социалистической идее. И он говорит спокойно, рассудительно. Это уже не взрыв эмоций, как в "Железной пяте", а анализ природы человека. Если после "Железной пяты" самым отчаянным хочется взять в руки зная и пойти "борьбе навстречу...", то после "Лунной долины" начинаешь задумываться, "а куда идти, за что бороться? С кем и как!".

"Лунная долина" не может понравиться ни социалистам, ни капиталистам.

Судите сами. Как могут оценить социалисты такие слова: "Люди в большинстве прирожденные дураки, - это и есть рабы. Ум дан только очень немногим, - это и есть господа. Мне кажется, сам бог создал людей такими".

или: "Хоть бы мы, рабочие, когда-нибудь поумнели и сговорились выбирать только честных людей!"

Ну а эти слова вызовут взрыв возмущения всех сторон: " - Демократия - мечта глупцов. Ах, милочка, поверьте, демократия - такая же ложь, такой же дурман, как религия, и служит лишь для того, чтобы рабочие - этот вычуженный скот - не бунтовали. Когда они стонали под бременем нужды и непосильного труда, их уговаривали терпеть и нужду и труд и кормили баснями о царстве небесном, где бедные будут счастливы и сыты, а богатые и умные - гореть в вечном огне. Ох, как умные смеялись! А когда эта ложь выдохлась и у людей возникла мечта о демократии, умные постарались, чтобы она так и осталась мечтой, только мечтой. Миром владеют сильные и умные".

В "Лунной долине" явно звучит тема разочарования Лондоном в организации рабочего движения. Он еще пытается найти путь, который спасет его:

"Беда в том, что рабочие еще не вполне прозрели. Профсоюзы должны заниматься политикой, но только политика-то должна быть правильная".

Напомню, роман вышел в 1913 году, когда в мире наблюдался спад революционного движения. Поведение рабочих лидеров способствовали разочарованию Лондона в рабочем движении и поиску причин его

несостоятельности. Он пишет:

"Рабочие лидеры проводят более грязную политику, чем даже представители старых партий; они спорят и ссорятся, но никак не поделят взятки и то и дело садятся в тюрьму".

"Ну, как тут быть, если у каждого свой взгляд? Посмотри, даже социалисты вечно спорят, откальваются, выставляют друг друга из партии. Прямо сумасшедший дом, я сам теряю разум, когда об этом думаю".

Подобные мысли привели позднее Лондона к решению выйти из социалистической партии. На моих глазах происходили не менее удивительные метаморфозы. В конце XX века убежденные российские марксисты в одночасье стали миллиардерами и кинулись строить капитализм.

В "Лунной долине" Лондон ещё пытается реабилитировать пролетарскую идею, еще звучит тема равенства людей:

" - Если бы каждый хозяин сажал овощи на одной грядке с цветами, то каждый хозяин получал бы за свои овощи двойную цену против рыночной, и тогда никаких двойных рыночных цен уже не было бы. Значит, ничего бы не изменилось.

- Нет, не согласен. Если бы каждый хозяин продавал однодневные яйца, вам не удалось бы продавать ваши на десять центов дороже рыночной цены, и все опять осталось бы по-прежнему".

Но социалистическая идея "если бы каждый" противоречит биологии. Природа не создает двух одинаковых особей. И поступки одного человека будут отличаться от поступков другого. И каждый будет поступать по-своему разумению.

В "Лунной долине" Лондон находит выход для героев, оказавшихся в критической, казалось бы, безнадежной жизненной ситуации. Но, если Мартин Иден находит выход из тупика в небытие, то Билл и Саксон не стучатся в "закрытую дверь", а находят другой выход - меняют среду обитания, уходят из той среды, которая загнала их в тупик. Они ищут и находят "место под солнцем", место в котором они могут и хотят существовать.

Для меня таким Оклендом стал Краснодар. Для себя же я решил, - если я родился, вырос и живу, но не доволен своей жизнью, то надо просто найти такой мир, где найдется место для меня, для применения моих способностей. Или создать свой собственный мир! Но ни в коем случае не пытаться переделать тот, что уже существует. Если существует мир, то существуют и люди созданные для него и создавшие его. И никто не имеет права переделывать его. Не нравится - ищите или создавайте другое, но не переделывайте существующее.

В "Лунной долине" я нашел, а Лондон показал, что нужно сделать, чтобы устранить противоречие между происхождением и способностями человека - надо просто найти среду обитания, соответствующую способностям человека.

Я сложил в портфель свой личный архив, оставил его на хранение у родителей, а сам поехал дальше.

В моей жизни, как и в жизни Лондона, появился Север. Но на Севере мне пришлось бороться не с морозом и физическими лишениями, а с обнаженной человеческой жадностью, глупостью, корыстолюбием и предательством. Мой Север - это не золотые прииски, а последняя великая стройка развитого социализма - БАМ. Двадцать пять лет назад эта аббревиатура была хорошо известна - Байкало-Амурская магистраль. Я приехал в город Нерюнгри - центр угольной промышленности, устроился на работу в проектный институт. По своему расположению Нерюнгри - это южная Якутия, но по природным условиям это Север, с его морозами, вечной мерзлотой, удаленностью от цивилизации. Природа прекрасна своим разнообразием в любой точке земного шара, а люди везде одинаковые. Это в газетах писали, что БАМ строят люди смелые, мужественные, преданные делу коммунизма. Я же столкнулся с людьми, которые оставили более или менее устроенную жизнь, как говорили, "на материке", чтобы заработать деньги на Севере. В Советском Союзе была значительная прибавка к зарплате в местах приравненных по климатическим условиям к Крайнему Северу. Можно было не только накопить деньги на автомобиль за три года, но и получить его реально в условиях вечного советского дефицита. Ради денег люди забывали всё. Забывали о таких понятиях, как самолюбие, собственное достоинство, честь, гордость. Ни "Морального кодекса строителя коммунизма" ни христианских заповедей не существовало. На "материке" эти люди, как правило, не блистали особыми талантами, и здесь, на Севере, они шли на все ради денег. Этим пользовались начальники всех рангов и коррупция, расхищение социалистической собственности, приписки и т.д. расцветали в полную силу.

На работе я завоевал определенное положение в коллективе и был на хорошем счету у директора. Я имел не только технические способности и знания, но и был способен играть необходимую социальную роль, следуя советам Карнеги. Но играть постоянно невозможно. Все равно произойдет срыв. И у меня наступил момент, когда моё естество взбунтовалось против роли подчиненного, восхитившегося технической гениальностью начальника. Я не согласился с очевидным экономически нецелесообразным решением моего директора, и меня уволили. Я не буду утомлять читателя подробностями. Моя история - обыкновенная. В газетах эпохи начала перестройки вы найдете множество статей о произволе царившего в эпоху развитого социализма. Сошлюсь, например, на "Литературную газету" и корреспондента

Юрия Щекочихина. Публиковались такие материалы, что мое дело выглядит мелким инцидентом на фоне глобальных разоблачений.

Но я прошел через это. Для меня социалистический произвол был не абстрактным, а конкретным понятием.

Для защиты своих интересов мне пришлось обратиться в суд. Сегодня не могу вспомнить суд без юмора. Но тогда это было ужасно. Начали разбираться с делом. Один за другим выступали мои коллеги. Из их выступлений я узнал о себе много нового, интересного. Говорили о чем угодно, только не о причинах моего увольнения. Я даже загордился тем насколько, оказывается, я плохой. Каждый выступивший занимал место в зале суда. Постепенно народа собралось много. И это были люди, с которыми я работал, с которыми еще несколько недель назад был в самых хороших отношениях и даже развлекал их в роли Деда Мороза на Новый год. Я прекрасно видел, что говорят они то, что приказал директор. Директор дал команду "фас", и толпа бросилась на жертву. Я представил себе состояние людей, которые подвергались публичным процессам времен Сталина, и более позднее время. Конечно, мое дело на порядок менее значимо, но я тоже человек, я на себе почувствовал, что испытывали, например, Снявский и Даниэль, не понаслышке, а как участник похожих событий. Как гиены впились в меня бывшие коллеги, все теснее смыкая ряды. А я корчился в предсмертных судорогах. Я сидел на виду у всех как осужденный на отсечение головы. Но вот слово предоставлено прокурору. Спокойным голосом, профессионально он прошёл по каждому пункту обвинения. И по всем десяти пунктам признал меня не виновным! Зал заседаний напоминал финальную сцену голеговского "Ревизора". Это надо было видеть! Насколько выпрямлялся мой стан после снятия очередного обвинения, настолько тушевались мои злопыхатели. На них было жалко смотреть. Куда делась вся ваша прыть. Вы все сильные, когда чувствуете за собой безнаказанность, вы мать родную продадите, лишь бы урвать кусок пожирнее. И многие из них были и коммунистами и комсомольцами. Где ваши принципы. Меня восстановили в должности, выплатили зарплату за вынужденный прогул. И в этом коллективе я проработал еще почти год!

Я не строю иллюзий. Меня спасла... "перестройка"! Уверен, что власти ещё не знали в какую сторону повернутся события, и оставили меня в покое.

А пока я продолжал работать в проектом институте, ко мне неоднократно подходили люди, которые поливали меня грязью на суде, шепотом извинялись, говорили, что их заставили так поступить, что они не хотели, что им надо думать о детях, о своем будущем, а их тоже могли уволить. Даже подсовывали мне материалы, компрометирующие директора. Я не обвиняю этих людей. Конечно, мне было обидно, но я и понимал их, понимал, что это система превратила людей в безмолвное существо. Способности этих людей не позволяли им вырваться из порочного круга. Я выжил, но душа покрылась ранами, и чтобы залечить их, я ушел... в тайгу. Взял свою резиновую надувную лодку, туристическое снаряжение, продукты и ушел сплавляться по Тимпону. И чем дальше течение уносило меня от людей, цивилизации, тем лучше я себя чувствовал. Уже на второй день, когда в порогах сердце стремилось выскочить из груди, а мышцы лопнуть от напряжения, я забыл о городских неприятностях. За многие десятки километров я был совершенно один. И каждый раз, зарываясь в кипящую воду, я не знал, вынырну из неё или нет. Это была реальная опасность для жизни, по сравнению с которой, какие-то служебные склоки казались детской суетой. Перед сном я устраивал себе из камней своеобразную ванну на мелководье и погружался в нее. Меня омывала теплая, чистая вода, нагретая за день. Камни еще хранили жар солнца безоблачного дня. Воздух, насыщенный хвойным запахом лиственниц и цветов, покрывающих берега, был куда более целебен, чем воздух любого курорта.

На одном притоке я обнаружил заброшенные старательские разработки. Вверх по течению ручья простирались бесконечные поля перелопаченного песка и мелкого гравия. Поразил размах, объём этих разработок. Не верится, что столько грунта можно перевернуть простой лопатой. Но это было. Конечно, работали заключенные. Эх, и жуткое это было время. А сейчас ничего. Отвалы покрыты как будто бы травой. Присмотрелся - это не трава, а молодые побеги лиственниц. Их так много и они настолько плотно стоят друг возле друга, что создается впечатление сплошного изумрудного ковра.

Городские неприятности были забыты. Я вспоминал свои былые походы, вспоминал рассказы Лондона о Севере. Это была эйфория, но поделить ее своими чувствами было не с кем. Все эту гамму положительных эмоций, восхищение природой, её совершенством я держал в себе.

У меня появилась возможность переехать в Новосибирск, и я в очередной раз бросил всё. Под крылом самолета простирались просторы Якутии, а внизу я оставлял еще один кусок жизни. Кусок, который всё же имел свой вкус. Мне было 33 года, возраст Христа. Билл Гейц закладывал основы своей компьютерной империи. АББА спели свои лучшие песни, а я доказывал свое право на существование. И кому доказывал, - людям, пределом мечтаний которых была палка колбасы, полученная по благу с черного хода, да рабское преклонение толпы, которая на большее не способна. Расцвет физических и душевных сил потрачен так бездарно.

“Перестройка” набирала темпы, и я ожидал перемены в стране. Мне исполнилось 34 года. Я уже не надеялся увековечить своё имя в делах, а вот пойти по пути Адама и Евы и продолжить себя в детях, - этой способностью природы меня не обидела. Я создал семью.

За более чем двадцатилетнюю жизнь в Новосибирске я продолжал искать свое место. Я взлетал и падал, сорил деньгами и считал копейки. Жизнь не обделяла меня своими превратностями. Право и время было такое: “перестройка”, “приватизация”, раздел страны и собственности, развал социалистического лагеря, финансовые пирамиды, и сеансы экстрасенсов по центральному телевидению. Всевозможные шоу под общим названием “выборы”. Можно даже сказать, что было интересно жить. Кем я только не был. Характер работы порой менялся от интеллектуального до чисто физического. Но это меня не пугало. Мне приходилось и “калымить” на машине и плести корзины. Моё имя даже фигурировало в районных выборах.

Словом, жизнь кипела, и об этом можно говорить долго и интересно. Но я остановилось не на описании жизненных перипетий, а на том, что обнаружил, что многое в жизни повторяется. Свообразный “День сурка”. С той лишь разницей, что события повторяются в другом городе, при других обстоятельствах, с участием других людей. Постоянно было лишь мое участие. И я постепенно приспособился, научился манипулировать ходом этих событий по своему интересу.

Естественно, как биологическая особь я не менялся. Я лишь оттачивал исполнение своей роли в спектакле под названием жизнь. Если раньше в моём мозгу набиралась статистика и строились предположения, то теперь на основании жизненного опыта я делал выводы, заключения, формулировки. Наступило время “собирать камни”. Наверное, это и есть «житейская мудрость»?

В Новосибирске я узнал об утрате моего личного архива. Во время моей “северной эпопеи” родители решили уничтожить его, чтобы не допустить попадание в чужие руки. Как жаль. Моя память многое хранит, но документы, фотографии уже не восстановить никогда. Как будто вырвали и уничтожили частицу меня самого. Я не упрекаю родителей. Они росли в эпоху, когда нечаянно оставленное письмо могло стать причиной репрессий других людей. Социализм заставлял людей отказываться от собственных мыслей, собственных детей, собственных родителей. И люди отказывались. Я не осуждаю этих людей, потому что в этом был биологический смысл. Люди выживали физически, хотя и были сломленные морально. Физическое выживание позволяло надеяться на возрождение человеческого облика в грядущих поколениях.

В “смутное” время мои мечты, желания, интересы отодвинулись на задний план. Надо было думать о хлебе насущном. Я, как и все люди, научился жить и в такой ситуации. Но вот совершенно случайно, в 2002 году, во время командировки в Челябинск я увидел в киоске журнал “Путешествие. Вокруг света” со статьёй В. Быкова “Одиссея Джека Лондона и Анны Струнковой”. Купил, прочитал. Задумался. Нахлынули мысли. Рука опять потянулась к ручке и бумаге.

Быков по-прежнему делает акцент на социализм Лондона. Я глубоко уважаю Виля Матвеевича Быкова. Он сделал переводы редких статей и рассказов Лондона. Он страстный пропагандист и знаток Джека Лондона. Мне очень импонирует даже его постоянство в определении Лондона как писателя социалистической ориентации. Но я с ним не согласен. Быков имел возможность всю жизнь заниматься «социализмом» Лондона. Все это время государство давало ему средства к существованию. Мне же приходилось добывать пропитание другими путями, но вся моя Жизнь вела к социал-дарвинизму («спенсеризму», натурализму – назвать можно по всякому) Лондона.

Уже дома освежил в памяти книги Лондона. “Маленькая хозяйка большого дома” - это не только последний роман, изданный при жизни Лондона, но и, пожалуй, самое завершённое и зрелое философское произведение. Последние десять лет жизни Лондона как-то вяло освещались советскими лондонистами. Это понятно, Лондон уже зрелый человек, он отходит от марксистского идеализма в отношениях между людьми, и становится материалистом (натуралистом). Он избавился от “детской болезни” всеобщего равенства и братства людей. В “Хозяйке...” Лондон развивает тему “научной биологии как средство познания жизни”.

Мне особенно импонирует трактовка Лондоном сущности человека. Не превосходство одной расы над другой, а констатация того факта, что у всех людей разные способности, не зависящие от происхождения:

“В школе он был просто учеником среди прочих учеников, и все миллионы отца не могли изменить того факта, что не он, а сын подносчика кирпича Пэтси Хэллорэна показал себя вундеркиндом в математике, а Мона Сангвинетти, мать которой содержала зеленую, была рекордсменкой по части правописания.

Средний готтентот или средний меланезец, в сущности, мало чем отличается от среднего белого.

Возьмем среднего человека белой расы. Он совершенно так же туп, жаден, инертен, он такой же косный и отсталый, как и средний дикарь”.

Согласитесь, эти слова применить к себе осмелится не каждый человек. Но и возразить ничего не сможет.

Натурализм Лондона критики, как правило, рассматривают как отношение человека и природы. Я же вижу величие Лондона в его натурализме в отношениях между людьми.

А этот натурализм, по крайней мере, и в СССР и в России, никто не осмелится назвать социал-дарвинизмом. И один из основателей которого учитель Лондона Герберт Спенсер. Эта часть творчества Лондона наиболее сложна для понимания. Это как, например, в физике. Физику на элементарном уровне изучают все. Чем глубже, тем меньше людей понимают, о чем идет речь. А формулы Эйнштейна и современной физики не до конца понимают профессиональные ученые. Чтобы понимать некоторые вещи, надо обладать определенными умственными способностями. Стоун, например, пишет о “Маленькой хозяйке...”: “Это фальшивая, надуманная, напыщенная книга; читатель поражен, не понимая, как эти натянутые мыслишки могут исходить от Джека Лондона”.

Видите как Стоун, возможно, даже сам не замечая того, оказывается нищешанцем – сверхчеловеком, сверхчитателем, присвоившим себе право говорить от имени всех читателей.

Это Стоун “поражен, не понимая”. Я тоже читатель, но я восхищен, и поражен тем, как точно Лондон говорит о причинах взаимоотношений между людьми. Я не буду отвечать Стоуну словами: “Из покоя веков все, что люди не понимали, они отвергали”. Просто приведу слова самого Лондона о своей книге: “Позвольте мне Вам заявить раз и навсегда, что я чертовски горжусь “Маленькой хозяйкой”. Да, читатель, я убежден, что большинству людей не дано понять причины происходящих в обществе процессов. Думаю, Лондона недопонимали на Родине не только из за социалистических взглядов. Кому из людей, например, связанных с сельскохозяйственным производством, понравятся такие слова о фермерах: “Дело в том, что фермеры будут хозяйничать на свой страх и риск, пользуясь передовыми методами, рекомендованными в наших инструкциях. Земля на всех участках совершенно одинаковая. Эти участки, как горошины в стручке, один к одному. И плоды работы на каждом участке через некоторое время должны сказаться. А когда мы сравним между собой результаты, полученные на двухстах пятидесяти участках, то фермер, отстающий от среднего уровня из-за тупости или лени, должен будет уйти.

Лентяи и глупцы будут естественным образом вытеснены теми, кто умен и трудолюбив”. Но Лондон без сентиментальности называет вещи своими именами. А ведь неудачным фермером можно назвать и отца Лондона. Вы бы смогли сказать о своем отце или о себе, что вы неудачник? А каково человеку, о котором так говорят? Человек старался, вкладывал душу, а его называют неудачником. И, тем не менее - это так. Я не побоюсь представить ситуацию, когда кто-то назовет мою статью “сочинением троечника”. Не скрою - в этой статье - моё естество. Вся боль, желания, разочарования, сомнения. По сути, раскрыл душу, а в ответ могу услышать - “сочинение троечника”. Эмоционально такой отзыв восприму как плевок в душу, как оскорбление, непонимание, негодование... Но сознание подсказывает слова Лондона: “Мартин вдруг остановился, испуганный догадкой, что Руфь еще не доросла до всего этого”. Больше того, я допускаю, что я тысячу раз неправ. Можете говорить и думать обо мне всё что угодно, но я, читатель, позволю себе напомнить вам, что в статье я не изощряюсь в изыщной словесности, а препарировую собственную душу.

И сразу отвечу тем, кто заподозрит, что я считаю себя слишком умным. Да, я считаю, что обладаю определенными способностями. Как, собственно, и каждый из нас. Я бы мог гордиться, что мой IQ достаточно высок. Но я ориентируюсь не на отвлекающие тесты, а на реальные жизненные результаты. А вы можете так оценить свою жизнь? В известной мере и я и все социал-дарвинисты обречены на непонимание. Социал-дарвинизм порожден разумом, и этим же разумом спрятан за семью печатями. Разум позволил человеку осознать свою смертность и для «увязки» с инстинктом самосохранения создал вечную потустороннюю жизнь. Тот же разум в сочетании с инстинктом первенства породили у каждого конкретного человека одновременно и представление о своей исключительности, и позволил спрятать своё убожество в создании идеализированных представлениях об отношениях между людьми. Любому человеку будет обвинять другого, искать объективные причины, которые не позволили ему подняться вверх, но редко кто признается даже самому себе в том, что у него просто не хватает способностей. Социал-дарвинизм никогда не станет философией масс.

О себе я бы сказал словами, которыми Лондон так характеризует своего героя. Дика: “Он ничем чрезмерно не увлекался. Это был редкий образец среднего, нормального, уравновешенного и всесторонне развитого человека”.

И меня так же, как и любого человека, интересует вопрос: “Неужели кусок хлеба да мяса и, может быть, немного джема - это и есть смысл жизни, цель нашего существования?” “Я спрашивал себя: неужели смысл жизни лишь в том, чтобы быть рабочей скотиной?”

И я так же отвечаю на этот вопрос словами Лондона: “Мне хочется... хочется что-нибудь создать”.

Любой психолог скажет, что Разум не может бездействовать, он должен быть загружен. Работа, творчество, алкоголь, игры, наркотики - каждому своё. Ну, а какие из занятий способствуют выживанию человека как биологического вида, и которые, пожалуй, можно однозначно назвать “хорошими”, определить не трудно.

В “Хозяйке” я вижу своеобразное предсказание пути развития человечества. Дику повезло, - у него за плечами были 20 миллионов долларов, и он мог позволить себе пойти по пути поиска своего места в жизни: “Он мог его

избрать потому, что миллионы отца сделали его хозяином жизни. Деньги были для него всегда только средством. Он не умаял, но и не преуменьшал их значения. Он только покупал на них все, что ему было нужно”.

Прогресс человечества, может быть, и заключается в том, чтобы богатеющее общество смогло позволить своим членам не заботиться о хлебе насущном с детских лет, а искать свое место в жизни. Ну, а для человека нашего поколения - созидательный труд, творчество. Благо этот процесс бесконечен, а технический прогресс открывает всё новые и новые сферы приложения человеческих способностей.

“Перестройка” дала возможность выезжать за границу. У меня появились деньги. Больше двадцати лет в моей голове таилась мечта совершить путешествие по Юкону, по маршруту Джека Лондона. И вот осуществление этой мечты стало возможным. Я с головой окунулся в осуществление этого мероприятия, истратил все накопления и так и остался не понятым ни родственниками, ни знакомыми. До конца поверил, что моя мечта осуществляется только в самолете над Гренландией. А потом были несколько дней путешествия по Аляске.

Вспоминаю: еще вчера шел на каюте по Юкону, сегодня утром гулял по улицам Доусон-Сити. И вот я в музее Джека Лондона. Во дворе избушка, такая же, в каких жили покорители Севера. Нечто похожее я видел у нас, когда путешествовал по Якутии. Захожу в здание музея. Стены увешаны фотографиями. Сплаваясь по Юкону, я, кажется, ушел не вглубь материка, а переместился во времени. Я смотрю на фотографию Джека, где он стоит в компании золотоискателей. Ему всего 21 год. Мне уже 50. Кажется, мы встречаемся глазами. Это не безжизненный, а живой взгляд. Джек еще не знает, что будет завтра, через неделю, годы. А мне уже известно, что произойдет с ним, и через год, и через десять... А может быть, в своей прошлой жизни я тоже был золотоискателем. Может быть, это я стою там, на заднем плане, или рядом с Джеком. Почему меня так тянет к этому человеку. Перемешалось все: пространство, время. Фотография сделана осенью 1897 года. А 27 января 1898 Джек оставит автограф на бревне хижины в устье реки Стюард. Вырезая на древесине дату, Джек даже не подозревает, что ровно через 55 лет на свет появилось я. А еще через 55 лет напишу эту статью. Прямо мистика какая-то.

Я закончил писать эту статью в день своего рождения. Для меня это не просто очередной день рождения. Это юбилей. Я достиг пенсионного возраста и не обязан больше работать. Еще с социалистических времен во мне утвердилось представление, что пенсионер - это человек, доживающий остаток своих дней. Мой отец рано ушел из жизни - сказались болезни военных лет. Ушел в разгар “перестройки”, “перестройки”, которая, по сути, перечеркнула всю его жизнь. Всё, за что он боролся, во что верил, за что готов был отдать жизнь, оказалось ошибкой, обманом. Единственное, что он сделал, что имеет смысл и бесспорно в этой жизни, так это создал меня - продолжателя рода. Теперь мне нести эстафету. Но вот и моя созидательная жизнь формально подошла к концу и, оглядываясь назад, я только и могу сказать, что вся моя жизнь ошибка и позор. Знание и применение биологии в широком смысле позволяет мне утверждать, что ничего не изменилось в России за последнее двадцатилетие.

По-прежнему достигнуть успеха в жизни можно только используя такие понятия, которым нигде не учат. Чтобы стать миллионером, не надо, как Форду, быть гением в организации производства, достаточно уметь давать взятки. Но этому не учат ни в одном учебном заведении! Тем не менее, коррупция приобрела масштабы государственного бедствия. Опять обман. Обман самих себя...

Но это не тема моей статьи. Мне “за державу обидно”. Мой сын учится на третьем курсе института. У него такое же имя, как и у меня. И он тоже отличник. Я узнаю себя в нем. Мне страшно, что его судьба повторит мою. Господи, неужели ничего не изменится. Сколько еще потребуется времени, чтобы человечество убедилось, что построение отношений между людьми на таких отвлекающих понятиях как «сознательность», «справедливость», «демократия» и т.д. такая же утопия, как и построение социализма?

А что ждет меня? Конечно, я буду продолжать работать. На пенсию прожить невозможно. По-прежнему искать свое место в жизни? Или:

“Лири прочь!
Я песню спел!”

Герои Лондона: Мартин Иден, Паола, Дорогомиллов сознательно уходят из жизни. Они не находят выхода из сложившейся жизненной ситуации. Я тоже в тупике, но уходить не собираюсь. Может быть, не хватает силы воли? Лондон, думаю, указал, что лежит в основе межчеловеческих отношений. Он начал развивать свои мысли в “Бюро убийств”. Жизнь Лондона оборвалась. Я тоже не завершил многие дела. Но я точно знаю, что завтра мир не обрушится, что снова взойдет солнце. Жизнь продолжается. И, честное слово, порой бывает такой интересной. Посмотрим...

27 января 2008 года, Новосибирск, Россия

